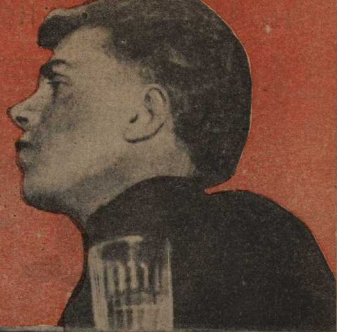

СМЕНА

ИЗДАНИЕ „КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ“

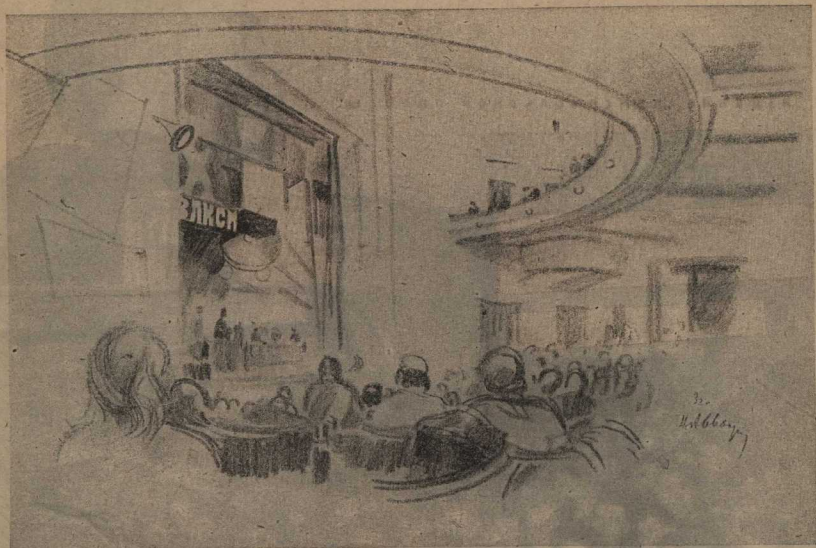
№ 11-

И ЮН

1939

КОНФЕРЕНЦИЯ КОМСОМОЛА КРАСНОЙ СТОЛИЦЫ

Зарисовка художника Н. Авантюрова

Сокольническая райконференция комсомола состоялась в клубе „КОР“ с 4 по 7 июня

Делегаты на сокольнической райконференции комсомола

Слева — С. Соломинин — комсомолец, ударник, машинист паровоза сер 3-128 им. КИМ Казанск й ж-д. Справа — Н. Бочарова — лучший группорг завода „Красный богатырь“

Литературно - художественный,
общественно - политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Адрес: Москва, центр, Малый Чернышевский пер., д. 3/4

Тел. 45-60

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Богдa тов. Сталина с немцами
писателем Эрихом Людвигом . 12

Рассказы и очерки

- Е. КОНОНЬКО—Обыкновенная
история 5
Илья МЕЕРОВИЧ—Один день бригады 15
И. ОГНЕВ—Когда ушел вокзалы . 18
Б. КЛАВИ—Он б дут счастливыми 23
Е. СИ ОНОВ—Летовая топки . . . 24
А. ЛИВШИЦ—Ш ра Богданова . . 27
А. КРАСОВ—Удар ый цех культуры. 32
Ю. ЖУКОВ—Да, на девинный вен . . 35
Л. ГИНЗБУ Г В. МЕЕРО ИЧ—От го-
бегу ек — и осцилистичско-
му т; /ду 36

Стихи

- Д. АЛТАУЗЕН—Из поэмы «Комсо-
мол» 11
П. МЕЛЕЗНОВ—Карьера красна . . 22
Я. УКСАЙ—Прислага 27
Е. ДОЛМАТОВСКИЙ—Конец двора. 33

Литературный монтаж

- М. АФОНИН и С. ФИНГЕР
Молодой рабочий двух эпох . 28
Воспоминания старых большевиков

- М. ПЛОХОЦКИЙ
Из записок старого рабочего . 40

Контуры второй пятилетки

- А. АБРАМЕНКОВ
Узел трех проблем 41

Смотр молодянской литературы

- Как выотобразите воспитание но-
вого человека в нашей стране
(Ответы писателей на анкету
«Смены») 44

- Зарисовки сокольнической район-
ференции комсомола 2
Комсомол на фронте стройки . . . 4
Фотоментаж 16
Бытовая консультация 43
Книгу—в деревню 46
Цех занимательной техники . . . 47
Комсомолия встречает зам сто-
процентной подписной 48

- На обложке «VI съезд партии» на
заводе «Серп и молот»
Рисунки: В. Ерискина, Генни, В. Ко-
новалова

- Фото: Б. Иваничий, В. Иваничий,
О. Игнатович, Бать и Союзфото.

Конференции комсомола красной столицы

Пролетарский район

Фото В. Иваничий

На трибуне—
секретарь райкома тов. Бычков

Конференцию приветствует
делегат N-ской кавданзини

Поздравляем райконференцию ВЛКСМ

«... Несколько лет назад, когда комсомола уделая достоянием жившие работе слесари казенных, эта форма массовой оперативной работы получила большое распространение на предприятиях и главным образом в учреждениях. Тогда «кавалеристы» с писаным интересом несли на бюрократов, воюющих, кооператора-самообразования. Сейчас в ряде организаций лишняя работа комсомольской кавалерии утеряла былую гибкость, отяжелела, а кое-где и оборачивалась, превратившись в мосты в аппаратный сектор. Московский городской совет «легких кавалеристов» заявил о своей готовности переклассифицировать комсомольцев, развития советской торговли, улучшения бытовых условий рабочего класса.

Москва выступила застрельщицей

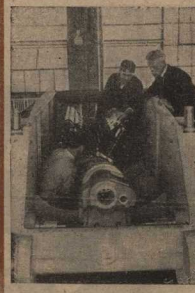
Загляните и сюда! Проследите путь товара к потребителю! — это основной посыл комсомольца на фронт рабочего снабжения. На ряде предприятий вновь организуются отряды «легкой кавалерии», готовые ринуться в траншеи окопавшегося врага.

«Овладед ли ты искусством меткой стрельбой, как Грisha Хаяк? Он уже с выбивает 45 очков из 50 в один из них. Кто же этот Грisha — один из лучших стрелков Ленинграда, участник общегородского состязания комсомольцев классных стрелков, Грisha зумбицкий фабрики «Южк», бригадир молодежной ходрасчетной бригады, славившей себестоимостью. Недавно он получил от комсомольского коллектива премию: интонуку с памятной доской «как хорошему общественнику, производственному и боевому стрелку».

Грisha Хаяк, ответственный секретарь совета ОСО на предприятии, сумел хорошо овладеть револьвером и пистолетом. Даже девчата и то каждый день ходят на стрельбище. Есть такие, которые уже выбивают 48 из 50 очков. 73 комсомольца фабрики «Южк» готовят стать такими же меткими стрелками, как и стал в результате 5 месяцев учебы на пункте Грisha Хаяк.

«Революционный держите шаг, Неугомонный не дремлет враг» (А. Блок).

То, что враг за рубежом «не дремлет», прекрасно показывает наш символ. Здесь изображена подготовленная конструкция нового типа танка, который будет снабжен мощным мотором, крыльями и пропеллером. Танк этот будет развивать скорость в 70 км. в час

«Обстановка заседания была скромна. У председателя не было под рукой записки. Но это не смущало оратора. Они горячо и убежденно говорили о кратком зверьке, которому судено занять почетное место в массовом балансе страны. Вы догадываетесь? Да, речь шла о крошечке, о комсомольском, общественном содействии советскому крошководству. 27 мая заседание в первый раз беседою значимой комсомольский штаб по содействию крошководству при «Комсомольской правде». Штаб наметил основные точки плана своей помощи самостоятельному крошководству. С большим интересом выслушал штаб сообщение о работе крошководческого союза, организованного силами общестественности завода СВРЗ. Сообщение сделало энтузиаст советского крошководства — директор завода комсомолец Юрий Доловский.

Сделаем так, чтобы у нас был огромный ряд крошководов. Крошководскому и такому зверьку — комсомольское содействие, комсомольская помощь. Помните, крошковод не потерпит бюрократического к себе отношения в длинных резолюциях, мы пытаемся не стать.

... Символ не требует комментариев.

«Мы — у порога второй пятилетки. Над планом грядущей пятилетки работает вся страна. А бригада? А бригада! Бригады телефирмалы 1932—37 гг. «Есть!» — отвечают комсомольцы бригады Алексеевой Ленинградского завода СЗ «Безъ». По характеру своего технологического процесса бригада является единственной в СССР. Работая на волюнтарных станках, эта молодежная бригада выпускает тончайшую проволоку размером до 0,03 миллиметра для нужд радиотелеграфии и радиотелефонии.

Так вот, бригада эта на основе проработки контрольных цифр и научения технологии рабочего процесса обязуется составить бригадный телефирмалы второй пятилетки. Условная техническая проблема, выдвинутая бригадой, — сделать к нулю отрицательный влияний

индивидуальных факторов на производительность труда.

На снимке изображена комсомолка Радионовна — первая женщина-механик по ремонту пишущих машин. Работает она в бюро точной механики (Ленинград).

«Знаете ли вы о том, что можно вызвать искусственный дождь? Сильнее ли вы что-нибудь об опытах по искусственному дождеванию? Не только за границей, но и у нас в СССР идет научное освоение этой важной проблемы. Можно вызвать дождь по воле неба!

Будем сами дуть дождь, будем сами насыщать воздух электричеством! Первая в мире опытная установка по вызыванию искусственного дождя пущена в ход. Ее задумал Ленинград. Институт дождевания. К моменту установки приехали в комсомольцы — студенты Ленинградского академического техникума по подготовке необходимых деталей. Комсомолец Выборгского района зять шефство над работами Института дождевания и обязался оказать практическую помощь в подготовке к пуску комсомольской установки. Спросишь — Идите комсомольской организации.

Идет борьба за овладение силами природы. В эту борьбу включатся все комсомольские эшелоны.

«На заводе им. Рыкова в Донбассе закончена и пущена в эксплуатацию первая советская разливочная мастерская. Покройка машины закончена в 40 дней вместо 60, отпущенных графиком. На нашем фото снят Т. Семиколов, секретарь комсомольской ячейки механического цеха, лучший организатор комсомола и рабкора заводской газеты «За металл» на борьбу за досрочное окончание разливочной машины.

Июньская сессия Академии наук происходила в Свердловске. Перед самым выездом из Ленинграда президент Академии Карпинский получил письмо уральских комсомольцев с просьбой осветить задачи сессии и ее значение. Академик Карпинский вскоре им ответил.

Вот что он писал:

«... Заседания Академии в Свердловске установят непосредственное общение между нашим высшим учебным учреждением и уральской молодежью, которая получит таким образом ясное представление о роли Академии в строительстве нашего Союза и сумеет оценить ее.

... Я искренне приветствую почин уральских комсомольцев — использовать свои личные прогулки и экскурсии для целей разведки недр. Наблюдение природы всегда может принести лишь пользу, наблюдение

же сознательное, с известной подготовкой, приведет к реальным результатам без излишней затраты времени и сил».

О том, как уральские комсомольцы организовали встречный съезд Академии и какие они приняли участие в сессии Академии на Урале, мы расскажем в следующих номерах «Смены».

На снимке — общий вид Миньинского завода на Урале.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Возле ли комсомолец и и ком смол в да считате в из под-р-ки чч ка в ли и с оиот пласк, катя... не друга, достогот жидокик ся пласк на пров од-те-ной и ооца тивной габ? е?

Вп ая ли дача в ловерту, в снги в и в проса мюадже, протва? остват ь лична ооце т -и ному, правоборать «прочитат» быта от льями комс молдце?

Эт о в погорь посещен очник д лими Ионан и с, по горь ли пр длаев и шги читатела на ооуж ени

Вокал огромн и ер. В стеклянну крышу бьет солнце. Люди бегут, прижимая к сердцу чемоданы и чайники, словно это самое дорогое в их жизни. В гавани их — кто то невидище. Люди смеются и плачут. Зовут и ругаются. Роняют цветы и деньги.

Над перроном трещет молодое небо — чистое и прекрасное, как ключевая вода. Никто не видит неба. Никому нет дела друг до друга. Катя прислула к мушкетю ослу вагона. По стеклу, точно дождик, ползут капли. Сморгая переносицу, беспокойно улыбается Колька. Он бежит в руках старуха, как птаха. Синий капор сехал набок. Он пытается потрогать через стекло лицо матери.

— Колька, Колька... ах! — кричит Катя. — Мама здесь... мама сейчас придет. Коля, ах! Она растерянно трясет погремушкой.

Старуха мигнет рукой — уйди. Поезд вздрогнул. Задыхал. Платформа пылет вазам. Катя бежит за вагоном, как ищущая. Колька радостно лопит ее лицо. Синий капор сехал набок... Дурно!

Вот и все. Она идет, точно слеза. В руках у нее — погремушка.

— Ваш перронный билет, гражданка!

— Что?

— Ваш перронный билет, гражданка!

— Звенящий шум города кажется отвлеченным. Улицы — пустыни и чужины.

«Ну что это еще за шум!» — думает она сердито и развело. — Выше голову, Катя Петрова. Распустила юбку.

Она слет на завод.

В ящике — Миша Андронников, платонкр-репленный Захарченко и человек в очках. Они склонились над пачкой бумаг.

«При звезде большого чина

Я отпалю еще не стар.

Катерина! Катерина!»

Это кричит Захарченко. Захарченко — большой шутник. Всякий раз, когда он видит Катю, он говорит своим добродушным басом эти три строчки, которые вычитал у Козьмы Прукова и которые ему почему-то нравятся.

— Проводела? — весело спрашивает Андронников.

— Да. Где Рита?

— В механическом. Собрание по колдоговору. Тебя хотел послать, пришлось Ритку. Сходи, Катюша!

Она уходит молча.

— Это наша лучшая ударница... Ее два раза премировали, — говорит Андронников человеку в очках, — автоматична. Про нее в газетках писали. Железо-дека!

За окном безмолвствует ночь. Запах липы кружит голову. Зеленые звезды вспыхивают и гаснут. Хоть бы дьявол пошел!

Катя пишет письмо маме. Оська уже год работает за 500 верст от Москвы — мобилизовали в счет 25.000.

«... Наконец и решилась и сделала как, как ты советешь. Прощай, Оська, неужели женщина должна быть всегда рабой ребенка! Я говорю о рабской привязанности. Ты права, Оська, и комсомолец, новый человек, я должна себя пошевелить. Телень, я отдам все силы заводу, яебке. А все-таки, Оська, как жажно его. Не так-то это все просто, как ты пишешь. Вот сейчас сижу — такая тоска. — свя нет. И в яебке работа думают наверно, что это — ерунда. Все без него мне кажется немалым. Ну ладно. Довольно. Что это я? Слово хлопони. Все будет хорошо. Оська. Настоящий коммунист не должен вступать ноии. Мне стыдно за свою чуждость.»

Катя задумалась. Ржевская прядь волос расклевала лоб. Шеки голели, как на морозе.

«... А все-таки сейчас и вовсе будет несладко.»

На заводе начался штурмовые ночи. В цехах дежурили комсомольские контрольные тройки. В пятницу прощали летящих птиц.

— Почему брак, товарищи, жрет у нас тысячи рублей? — жестко, почти грубо выступила Катя. — Потому, что он обязательен. Вот что... Кто за него отвечать должен, спрашивается?.. Она была бледна.

— Стрелочки! А кто же еше? — кричал, наступая и хохорясь, Стаханов. — Давай сырьё хорошею.

— Брось сырьё, Стаханов! Сырьё виновато! Во всем у тебя сырьё виновато, — спокойно возразила Катя. — Кто пробирав отверстие в коλλαках? Стаханов прошибал! Где ты его пробиравал? Молчит? Не на том месте и толще! 115 коллаков в помойную яму... Кругом одобрительно гудели.

— Конкретная девка, — довольно шептала соседу мастер цеха старый Прокофьев. — А Иван Прокофьев уважемый? Где он был? Мастер цеха! — чеканила Катя. — С тех контролем торговался? На глазок мерил? Иван Прокофьев повралка очки, спозававшие с носа.

Но дни эти были мучительны. Кате казалось, что она голыми пятками ступает по колочой проволоке. Бояз, страх, которые она испытывала, думая о Кольке, были почти физические. Вдурт умрет? Вдурт умрет? Она закрывала глаза и отчаянно видела маленькие стальные зрачки. У нее останавливалось дыхание. Она бежала к выходной двери и прислушивалась — не идет ли почталон.

VI

Почталон пришел. Все та же курящая девушка. Только сегодня она была хмурая. Но вещь, которую она небрежно вышвырнула из своей кожаной сумки, была произительно радостная:

«Колька выдоравливает».

Колька выдоравливает! Колька выдоравливает! Колька выдоравливает! Она пласала в смеюлах. Похорошеела. В ее темной комнате так стало светло и шумно, словно вкатилось сюда огромное солнце.

Катя бежала по улицам, улыбаясь прохожим. В трамвае ей наступили на ногу, и она извинилась.

— Ребята! Мишка! — закричала она, ворвавшись в комнату девочки. — Колька-то выдоравливает!

— Выдоравливает... — повторил Андрионов. — Ну вот, видишь... Катя, слушай-ка, из райкома звонили. Тебе надо пойти насчет Свещеки...

VII

График поднимался. Завод ожил. Шан дни.

В клубной библиотеке Катя встретила со Скворцовым, который писал декорации.

Катя долго ныряла в книжных стопках, листая страницы, мучаясь в поисках книги, названия и автора которой она не знала.

— Что же в конце концов вам нужно? — нетерпеливо спрашивала библиотечкаря, походя на богородицу.

Она подвала ей книгу — одну за другой. — Нет, — смущенно качала головой Катя.

Книги не было. Она растеряно шарила глазами по стеклянным шкапам, напоминающим гробы.

Декоратор разглядывал Катю, заинтересованный ее смущением.

«У этой девушки медные волосы, — думал он, — где это и ее видел?»

— Товарищи, — спросил он мягко, — вы Лаврентева не читали? Возьмите «Гривану на дереве».

Катя внимательно посмотрела на человека в халате, испещренном красками.

— Товарищи, скажите, я не Петрова?

— Да, А что?

— Ваша фотография в зале...

Он разговаривал. Катя пожелала: мало таких книг, в которых можно найти ответ на то, что волнует.

Она встретила с ним опять. Он сидел в клубной зале, высоко на лесенке и, напевая, рисовал зарю. На его пальце блестел овал.

— Зарядствует! — крикнула она, улыбаясь глазами. — А и мидричину.

Потом сокочила с лесенки. Они опять говорили. Он рассказывал о большой картине, которую пишет «для себя».

— Почему же для себя? — спросила Катя. — Какой смысл?

— Если вы разрешите, я когда-нибудь вам объясню это.

Так случайно они встретились три раза. Скворцов говорил ей о книгах, не совсем понятных, но маяющих.

«Как он много читал! — дружелюбно думала Катя.

Одна раз он проводил ее на завод. Ее смущал его маленький изысканный берет, клетчатый дамский шарф и воложающая в душу.

Она инстинктивно чувствовала стену, отделяющую ее от него. Этот человек не жил тем, чем жила она и ее товарищи.

Скупа иногда бывает жизнь. Оська приехала только на день.

Вечером в театр, а из театра — на поезд. Катя тайно жалела, что купила билеты.

А в 7 часов было назначено бюро девочки — наметки плана второго тура рейда.

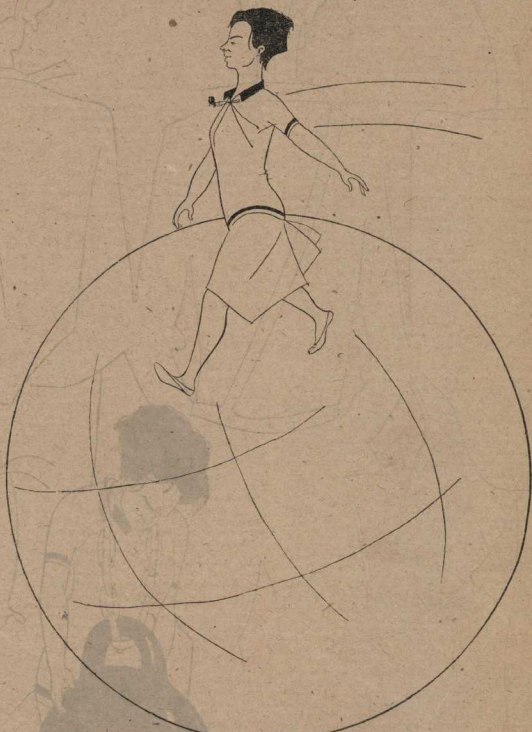
— Андрионов! — я не приду, — сказала, тряхнув решительно расквашенной охоткой волож.

— Не сходи с ума, Катя.

— Да ты поймай. Я не видела мужа около года. Я не приду.

— Хочешь сорвать бюро? Срываай.

Катя посмотрела на него почти с ненавистью только на день.

...Катя — хозяйка и строитель нового земного шара
...Весь земной шар — ее личная жизнь!

Вместе с тем Катя испытывала великий раукако-то удовлетворение после коротких, случайных разговоров с этим чужим человеком.

VII

Оська прислала письмо. Колька совсем хорошо, никаких осложнений. А Оська возвращается в Ольховку и 7-го по пути заедет в Москву...

Сердце плело, как жаровник. Метался о встрече. Надо так много рассказать. Купила билеты в Большой театр. Оська так давно нигде не был. Ждала, волнуясь.

В клубе состоялся техсуд над ЭНС-2. Выступала обвинительном от комсомольской организации Екатерина Петрова.

... Она пришла в театр к последнему действию. Зал утишал. В оркестре скрипки утомленно переключались с флейтами. У женщин блеснули глаза, заявив губы, растрепыхались при чещки...

Оська ушла жену по походе. Резко повернула в миллионном кресле.

— Почему так поздно?

Она только махнула рукой, потому, что директор, строгий, как хирург, ударил палочкой, а сосед, пожирающий мандарины, сердито шикнул.

Со сцены вело холодом. Топали круглыми ножными батареями. В темном углу сцены неслышадно пробежала маленькая крыса. Катя

... Мы обязаны организованно откликнуться на трагедию, подобную Катинь, мы должны заглядывать в личную жизнь членов коллектива»

Рис. В. Борякина

Личная трагедия, душевная тяжесть... Образу ли мы эти интересовать? Личное горе — на то и личное, что окружено нечего с ним возиться. Подумайте, какие сентименты!

Сентименты? Нет! Обязаны интересовать. Жизнь коллектива — моя личная жизнь в основном смысле этого слова. Значит, моя маленькая личная жизнь — жизнь коллектива.

Мать, у которой болен ребенок, не может не страдать, не рваться к нему. Это — факт, а от фактов большевики в кустах не прячутся.

Мать страдает. Какого рода этот факт? То, что, если оно понижает силу рабочей сосредоточенности, отвлекает человека, снижает его боеспособность.

Этот факт не делает Катю — большевичку, бойца коммуниста, ударницу — способной на дезертирство. Нужно будет — все равно Катя отдаст жизнь за коммунизм! Но это снижает ее работоспособность.

А значит мы обязаны интересовать «личным горем» каждого члена коллектива. Это — не личное горе пужака, не личное горе антиобщественника, мещанина. Это — личное горе Кати, пролетарки, бойца. Мы обязаны подумывать, чем мы можем ей помочь, как снять с нее гирю, которая мешает ей полностью жить, работать.

... В чем неправ Мишка Андроников? В том, что он не проявил чувствости? Нет, дело глупее. Дело в том, что в ударнике, в коммунисте надо видеть одновременно и мать, сына, отца, невесту, жену, мужа.

Коммунизм, борьба за коммунизм не исключает инстинкта матерей, сынов, отцов и т. д. Иной взгляд — это или взгляд буржуазный (это буржуазия превратила рабочего в товар, это для нее рабочий — объект, вещь, а он, капиталист, — субъект, только для себя он оставляет «себя право») или левашковское тушное, антимарксистский, нежизненный подход к явлениям живой действительности...

Коммунист — не в лаборатории приготовлен, не из реторты химической выскоил...

Оська шагнул из угла в угол сарая, погоспешный своими размышлениями.

... У матери заболел ребенок. Муж бросил жену. Парень сильно ревнует. Или еще что-нибудь. Это порождает уныние. Человек сам не свой. Так что же? Не завестись? Или пренебрежительно отмахнуться — нуни, дескать, типичное белое, какое нам дело? Потом парень захочет предаться винности. Сказать: «Пусть!» «Пусть!» испробует — потом на этой винности — сам будет, дурак, виноват!

Так, что ли? Нет! Мы обязаны организованно откликаться на трагедии, подобные Катиню. Мы должны заглядывать в личную жизнь членов коллектива. Мы можем и обязаны уменьшить бремя личных невзгод. Это нужно так же, как физическая стойкость людей, о которой мы организованно заботимся. Это должно стать правилом, принципом, должно войти в систему работы, как была забота об отпусках, о посылке людей в санатории, о деле питания и т. д.

Оська запихал Катину письмо в карман. «Наплюй, Катя!» — Пусть открыто ставит вопрос на чужей!»

... За дверями сарая посамалась торпливые шаги. Запыхавшись, вошел Тимофей Тимофеевич. От него шел пар. И шапка ссакала набок.

— Осп! Иваноч, Осп! Иваноч! Ты здесь? — крикнул он возбужденно. — Река тронулась!

— Да ну?

— Стрась! Весь колхоз на берег повалил... Я тебя в избе искал. Глажу не берет. Догадался — ты в сарае... Ну, теперь дело пойдет... Лыдина — во!

... Пусть! Потом из ячеей выгоним — сам будет, дурак, виноват!

Оська стремительно выскочил из сарая, запихнул кожанку. Тимофей Тимофеевич гремел замком. Оська быстро шагнул на другой конец сарая. На душе — бодрость и острая радость. Ледаход всегда рождает какие-то веселые чувства.

— Шорник не забудь сказать, — все также возбужденно кричал вслед Тимофей Тимофеевич.

С берега все яснее доносились крики, гул, грохот льдин. Вперед Оська бежал, восторженно взвизывая, малюк без шапки, в стропных резиновых ботах. Боты спалили с ног. Малюк, ругаясь, стащил их и помчался босиком. Оська оглянулся. Тимофей Тимофеевич отстал далеко позади. Тогда он, учуяв, перескочил через кочку и пустился бежать вприпрыжку, как малец.

„Мы часто оперируем большими числами, сотнями тысяч, миллионами рабочих. И эта статистика плюс общие, отвлеченные резолюции порой заслоняют от аппарата, даже профсоюзного, лицо живого, конкретного рабочего с его горем и радостью, с его нуждами и запросами.“

(Из речи т. Л. Кагановича на IX съезде профсоюзов от 28 апреля 1932 г.)

ИЗ ПОЭМЫ „КОМСОМОЛ“

Давно ли мы,
Ревесники,
Ребята,
Обиженные строгою судьбой,
Прокисив у сестренки
Или брата,
Чужою впади на суботник нас
С собой?

А вот сейчас,
Меня почерк мозгий,
Ворочая руду
В миллионах тонн,
Березы мы сушу,
Воздух,
Небо,
Волны
Своей рукою
В смирительный бетон.

Трубите, дни,
Чорт доберит,
Трубите!
Кто мог увидеть—
Где,
С какой земли,
Что парень тот,
Который рос в Ирбите,
Готовится в вожатые земли?

Ах, Горолоб,
Ах, дым
Родимых кровель,
Ах, улицы,
Где можно сесть на пеню,
Где, ребрами сквоза,
Жуют коровы
От голода
Душную сирень!

Двадцатый год..
Дрожали стекла в рамах,
Хвост водянная
Под трусливый зад,
Пес пробивал,
Нарезанный ветрами,
Опалаканный
Сто лет тому назад.

С винтовкою
Отца ушел из дома
И лет сто,
Ты — через взмах веста
Часовенка,
Над куполом—малюшка
Куда-то
Крест тяжелейший свой нести.

Наш городок
Под свист сани и стали
Пустыл на воздух
Пух свой,
Нерья,
Быт.
Всеириные
Стальные магистрали
Лезла
Через малыйшир Ирбит.
И я был мал.
Я поэму, ворон вещей,

Фанист двухкрылый,
Бизис, как в силке,
Когда отца
Расстрелившие вещи
Мне привисли
В больничном узелке.

Они еще дымчили—
Домом горьким.
В них пот еще рабочий
Не продох.
Еще держался
В желтой гимнастерке
Табачный запах
От его усов..

Друзья мой,
Ревесники,
Погоди—
У вруба,
У мотора,
У реза..
Нет ничего
Странней косоверотки
Расстрелянного отца!

Я плакал.
Так в последний раз
Я плакал.
Из глаз косой,
Солесный занес лиз,
Лил на рубашку,
В рот мне,
В сердце,
На пол.
С тех пор себе
Я сердце просили.

Когда слеза последняя упала,
Я скакал в руке
Относился партбилет..
И вдул во рту
Почувствовала и жало—
Оно растет с тех пор
Двадцать лет.

Друзья мой,
Ребята,
Бедокуры!
Нам потому
Наверно сердце жжет,
Что неаппетит,
Склизанная шкура,
Там рядом с нежностью живёт.

Как я бежал..
Засовы и заперы
Срывались,
По-кавалдарно злепа,
И воробий,
Качаясь на заборах,
Просили милостыню у меня.

Жар гнал меня,
Бросал в канавы комом,
Жар,
При котором
Плавится металл.
Флаг,
Раздувая искры над укомом,

В глаза мне прямо
Мозаки метал.

Уком, уком,
Вот я к тебе пригонал.
Стою,
Заплатил за собой влеча.
А ветки дие,
Прибитые к воротам,
Вушуют под портретом Ильи-
ча.
Мне девять лет,
Куда еще мне деться,
Девятым валом
Сшиблен я
С кормы.
Собака бескалених
Мои—голодный детством,
Моей песенкой
Возьми
И накорани.

Они колят.
Они мне руки лязгут,
Занесят с ошейников
Коллекции колен.
Вот сытые, явные,
Но только к горлу бьются..
— Эй, ты чего
Расплакался, малец?

Поди сюда,
Поди—
Кривая?
Два парня,
Румяных от азеровья
И жары.
Уком, уком!
Оттуда, как из парня,
Дым выдувает
Белые шари.

Махорка,
Кто с тобой
Не был дружен?
Кто выдавал тебя,
Какой марксистский ид?
Стою в дверях
И вижу горю стружск
Из дыма,
Из плакатов,
Из бумаж.

Столы, столы,
Столы—
Сталотворенье.
И на одном из них,
Серебряные столы,
Стоят винтовки.
В первый день творенья
Бог за рубленку
Мог творить столы.

На них патронов,
Кинг—
Всего до чорта.
Шум, ступня,
Но в этой суете
Два старых,
Два астральных

Звездочета—
Сам Маркс и Энгельс—
Гладят чокну мне.

Друзья мой,
По песням
И по дитам,
В труде,
В борьбе—
Самые жаль след.
Зачем пласть
О том,
Что нам в двадцатом
Всего каких-то было
Девять лет?

Уже тогда,
Вглянув
В глаза нам метко,
Огни, взрывав
Сплескнутую гать,
Могли предвидеть
Нашу попытку,
И нас—
Ее бойцов—
Предугадать.

А мы росли,
Мужали и боролись,
Точили зубы,
Сстроили
И жили—
Чтобы скрутил
Магнитогорский полдень
Все коммунсы
И стрелы
Всей земли.

Чтоб, завывая
По земле воронка,
Наш смерь дошел,
По самым дальним шахт,
Чтоб от ударов пашин
Перелопач
У Махондальдов
Лопались в ухах,

В канале б нас
Ущелья или согнано,
Не замучит
Умные в голозах.
Узнают нас
По световым сигналам,
По искрам,
Проблегающим в глазах.

В труде, в бою,
В щеху,
В камнеполине,
Карабкался по скалам
На Тибет,
Полез через Памир—
Мы будем
Вечно помнить,
О комсомолом,
Наш первый шаг
К тебе.

БЕСЕДА ТОВАРИЩА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

— Лю див г. Я Вам чрезвычайно признателен за то, что Вы нашли возможность меня принять. В течение более 20 лет я изучал жизнь и творчество выдающихся исторических личностей. Мне кажется, что я хорошо разбираюсь в людях, но зато я ничего не понимаю в социально-экономических условиях.

— Сталин. Вы скропничае. И извиняюсь. Нет, это действительно так. И поэтому Вам лучше задать вопросы, которые будут более Вам показаться «странными». Сегодня, здесь, в Кремле, я видел некоторые реплики Петра Великого, и первый вопрос, который я хочу Вам задать, следующий: скажите ли Вы параллель между собой и Петром Великим. Считаете ли Вы себя продолжателем дела Петра Великого?

— Сталин. Ни в каком роде. Исторические параллели всегда рискованы. Данная параллель бессмысленна.

— Лю див г. Но ведь Петр Великий очень много сделал для развития своей страны, для того, чтобы перенести в Россию западную культуру.

— Сталин. Да, конечно, Петр Великий «сделал много» для возмужания и развития нарождающегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что в купеческом классе появилось новое явление — нарождающемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры. Что касается меня, то я только ученик Ленина и моя цель — быть достойным его учеником. Задача, которой я посвящаю свою жизнь, состоит в повышении другого класса, а именно рабочего класса. Именно этой цели я посвящаю укрепление какого-либо национального государства, а укрепление государства социалистического, и значит — интернационального, при чем всякое укрепление государства этой цели не укрепление всего международного рабочего класса. Если бы каждый шаг в моей работе по возмужанию рабочего класса и укрепление социалистического государства этой цели не укрепление всего международного рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бессмысленной.

Вы видите, что Ваш параллель не подходит. Что касается Ленина и Петра Великого, то последний был калпой в море, а Ленин — целый океан.

— Лю див г. Марксисты говорят выдающихся личностей в истории. Не видите ли Вы проигнорировать метод материалистическим пониманием истории и тем, что Вы все-таки признаете выдающихся роль исторических личностей?

— Сталин. Нет, противоречия здесь нет. Марксистов вовсе не отрицают роли выдающихся личностей или того, что люди делают историю. У Маркса, в его «Истории философии» и других произведениях, Вы можете найти слова о том, что именно люди делают историю. Но, конечно, люди делают историю не так, как их подталкивает какой-нибудь фантазм, не так, как им приходит в голову. Каждый человек, когда встречается с определенными условиями, уже испещренными в готовом виде в момент, когда это поколение нарождается. И великие люди стоят чего-нибудь, но они делают историю, потому что они умеют правильно понять эти условия, понять их как их элемент. Если они этих условий не понимают и хотят эти условия изменить так, как им подсказывает их фантазм, то они, конечно, попадают в ловушку. Каждый человек. Таким образом, как раз по Марксу вовсе не следует противопоставлять людей условиям. Именно люди, но лишь поскольку они правильно понимают условия, которые они создают и которые им создают, — лишь поскольку они понимают, как эти условия изменить, — делают историю. Так, но крайней мере, понимаем Маркса мы, русские философы. А мы изучали Маркса более 20 лет.

— Лю див г. Лет 30-ку назад, когда я учился в университете, многоисчисленные немецкие профессора, считавшие себя сторонниками материалистического понимания истории, и говорили, что это методология, это метод, это геронические личности в истории.

— Сталин. Это были вульгаризаторы марксизма. Марксисты никогда не отрицают роли герон. Наоборот, роль эту они признают знания

тельной, однако, с теми оговорками, о которых я только что говорил.

— Лю див г. Вокруг стола, за которым мы сидим, есть три границы, с одной стороны, знают, что СССР — страна, в которой все должно решаться коллективно, а с другой стороны, знают, что все решается единолично. Кто же прав?

— Сталин. Нет, единолично нельзя решать. Единоличные решения всегда или почти всегда — однобокие решения. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, с мнением которых надо считаться. И в коллективе, и во всяком коллективе имеются люди, могущие высказаться и неправыми мнением. На основании опыта трех революций, мы знаем, что приблизительно из 100 единоличных решений, не исправленных коллективно, не 90 решений — однобокие. В нашем руководящем органе, в Центральном комитете нашей партии, который руководит всеми нашими советскими и партийными организациями, имеется около 70 членов. Среди этих 70 членов ЦК имеются наши лучшие промышленники, наши лучшие кооператоры, наши лучшие снабженцы, наши лучшие ученые, наши лучшие инженеры, наши лучшие агитаторы, наши лучшие знатоки соххозов, наши лучшие знатоки колхозов, наши лучшие знатоки индивидуального крестьянского хозяйства, наши лучшие знатоки государственного Союза и национального пункта. В этом ареопаге сосредоточены мудрость нашей партии. Каждый имеет возможность исправить чье-либо единоличное мнение, предложение. Каждый имеет возможность внести свой опит. Если бы этого не было, если бы решения принимались единолично, мы имели бы в своей работе серьезные ошибки. Поскольку же каждый имеет возможность исправить свои бы идеальных лиц, и поскольку мы считаемся с этими исправлениями, наши решения подаются более или менее правильными.

— Лю див г. За Вас десятилетиями производили переплет и оружие, и литературу и т. д. Не считаете ли Вы, что враги советской власти могут начать становить Ваш опит и бороться с советской властью?

— Сталин. Это, конечно, вполне возможно.

— Лю див г. Но в этом, им причина строгости и беспощадности Вашей власти в борьбе с ее врагами.

— Сталин. Нет, главная причина не в этом. Можно привести некоторые исторические примеры. Когда большинство пришло к власти, они сначала провозгласили по отношению к своим противникам легальность и выпускали свою газету. Эсэры также продолжали существовать легально и издавали свою газету. Даже кадры продолжали издавать свою газету. Когда генерал Краснов организовал контрреволюционный поход на Ленинград и попал в наши руки, то по условиям военного времени мы могли его по меньшей мере держать в плену, более того, мы выпустили из него расстрелять. А мы его выпустили из чистое слово. И что же? Вскоре выяснилось, что подобная мягкость только поддразнивает крепость советской власти. Мы сделали то же самое по отношению к врагам рабочего класса. Если бы мы повторили и дальше эту ошибку, мы совершили бы преступление по отношению к рабочему и крестьянскому классу. И эти ошибки, и эти преступления, и эти интересы. И это вскоре стало совершенно ясно. Очень скоро выяснилось, что чем мягче мы относимся к нашим врагам, тем больше сопротивление эти враги оказывают. Вскоре после того, как мы выпустили из тюрьмы большевиков в Ленинграде контрреволюционные выступления юнкеров, в результате которого погибло много наших революционных мартиров. Тот же самый принцип был применен и к чистое слово, организовал белогвардейских казаков. Он обиделись с Мамонтовым и в течение двух лет вел вооруженную борьбу против советской власти. Вскоре казаки перешли в наши руки. Их генералов стоили агенты западных капиталистических государств — Франши, Англии, Америки, Японии. Мы убедился в том, как мы ошибались, провозгласив по отношению к этим врагам мягкость. Мы должны спрыгнуться лишь в том случае, если применять к ним самую беспощадную политику подавления.

— Лю див г. Мне кажется, что значительная часть населения Советского Союза испытывает

чувство страха, боязни перед советской властью, и что на этом чувстве страха и опосредованной мере покоится устойчивость советской власти. Мне хотелось бы знать, какое настоящее состояние создается у Вас лично при сознании, что в интересах ускорения строительства, устранения бед и обобщения с Вашими товарищами, с Вашими друзьями Вы действуете совсем новыми методами, а не методами внушения боязни, а населению внушаете страх.

— Сталин. В отношении этого вопроса, Ваша ошибка — ошибка многих. Впрочем, Ваша ошибка — ошибка было бы в течение 14 лет утверждать власть и иметь поддержку миллионов людей, бывающих в состоянии заблуждения, устрашения? Нет, это невозможно. Лучшее всех умов запугивать царское правительство. Оно обдало в этой области громадным опытом. Европейская, в частности французская буржуазия всячески пыталась в этом царизму и ундла его устрашать народ. Несмотря на это опит, несмотря на помощь царской буржуазии, политика устрашения привела к разгрому царизма.

— Лю див г. Но ведь Романовы продажались 300 лет.

— Сталин. Да, но сколько было восстаний и повстаний, да сколько было восстаний 20 лет после смерти царя. Различные восстание Емельяна Пугачева, восстание декабристов, революция 1905 года, революция в феврале 1917 г., Октябрьская революция. Я уже не говорю о том, что нынешнее состояние политической и культурной жизни страны в корне отличаются от условий старого времени, когда темнота, некультурность, покорность и политическая застенчивость, махавши возможность тогдашнему правительству оставаться у власти на более или менее продолжительный срок.

Что касается народа, что касается рабочих и крестьян СССР, то они являются свободными людьми, поставленными в равные условия с другими представителями. В Европе многие представляют себе людей в СССР по-старинке, думая, что это рабы, делавшие работу, которую не признают, делавшие представление. Оно создается в Европе с тех времен, когда стали извлекать в Париж русских помещиков, транжирири там на грабительские делишки. Царизм и помещики не признавали человеческие и нечеловеческие люди. Отсюда делались выводы о русской дельце. Но это ни в какой мере не может сказать русских рабочих и крестьян, которые добавляли и добавили своим усилиям своим собственным трудом. Довольно странно считать покорными и ленивыми русских крестьян и рабочих, продаваемых в короткий срок три революции, разгромивших царизм и буржуазию и провозгласивших новые социализм.

Вы только что спрашивали меня, решает ли у нас все одно человек. Никогда, ни при каких условиях, наши рабочие не доверяют бы те перь власти одного лица. Самые крутые авторитеты сходят у нас на-нет, превращаются в ничто, как только им перестают доверять рабочие массы, как только они перестают доверять рабочим массам, как только они перестают доверять совершенно исполнительным авторитетом. И что же? Как только они отвали политически хронять, рабочие его забывают, отвали от него и забывают его. Другой авторитет, другой авторитет, другой авторитет, который больше, больше авторитетом, конечно, далеко не таким, как Пехонов. И что же? Как только они отвали от рабочих, его забывают.

— Лю див г. Советские абитуриенты, со злобой.

— Лю див г. Что со злобой?

— Сталин. Все касается наших сознательных рабочих, то они неоднородны о Промком со злобой, а с рабочей массой, которая неоднородна. Конечно, имеется некоторая небольшая часть населения, которая действительно боится советской власти и борется с ней. Я имею в виду остатки умираловых, ликвидированных классов. Конечно, это незначительная часть крестьянства — кулачество. Но тут речь идет не только о политике устрашения, которая действительно существует. Это не означает, что подавление не означает устранения, но устранение и идем дальше, ведь дело не ликвидации этой буржуазной прослойки.

Но если вынуть трудящееся население СССР, рабочих и трудящихся классов, представляющих не менее 90% населения, то они стоят за советскую власть и подавляющее большинство их активно поддерживает советский режим.

А поддерживают они советский строй потому, что этот строй обслуживает коренные интересы рабочих и крестьян. В этом основа прочности советской власти, а не в политике так называемого устроения.

Людвиг. Я Вам очень благодарен за этот ответ. Попрошу Вас назвать меня, если я Вам задам вопрос, могущий Вам показаться странным. В Вашей биографии имеются моменты, так сказать «разбойных» выступлений. Интересовались ли Вы личностью Степана Разина? Каково Ваше отношение к нему, как к выдающему разбойнику?

Сталин. Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток народных восстаний крестьянства. Но, конечно, какунибудь аналоию с большевистскими восстаниями проводить. Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Степана Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание по главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг.

Как видите, анализ с большевистским никак не подходит.

Людвиг. Разрешите задать Вам несколько вопросов на Вашей биографии. Когда и был у

Масарика, то он мне заявил, что осознал себя социалистом уже с 6-летнего возраста. Что и когда сделало Вас социалистом?

Сталин. Я не могу утверждать, что у меня уже с 6 лет была тяга к социализму. И даже не с 10 или с 12 лет. В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе.

Людвиг. Что Вы толкуете на оппозиционность? Быть может плохое обращение со стороны родителей?

Сталин. Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращения они со мной совсем не плохо. Другое дело духовная семинария, где я учился тогда. Из протеста против иезуитского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я тогда был став и действительно стал революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения.

Людвиг. Но разве Вы не признаете положительных качеств иезуитов?

Сталин. Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе. Но основной их метод — это сделка, шпильная, заискивание в духу, издевательство, — что может быть в этом положительного? Например, сделка в вписывание: в 9 часов звоню к чью, ухожу в столовую, а когда возвращаюсь к себе в комнату, скаывается, что уже за это время обсыпали и перепотрошили все наши вековые ящики... Что может быть в этом положительного?

Людвиг. Я наблюдал, и в Советском союзе, исключительное уважение ко всему американскому, я бы сказал даже преклонение перед всем американским, т. е. перед страной доллара, самой последовательной капиталистической

страной. Эти чувства имеются и в Вашем рабочем классе, и относятся они не только к тракторам и автомобилям, но и к американцам вообще. Чем Вы это объясняете?

Сталин. Вы преувеличиваете. У нас нет никакого особого уважения ко всему американскому. Но мы уважаем американскую деловитость во всем, — в промышленности, в технике, в литературе, в жизни. Никогда мы не забываем о том, что САСШ — капиталистическая страна. Но среди американцев много здоровых людей в духовном и физическом отношении, здоровых по всему своему подходу к работе, к делу. Этой деловитости, этой простоте мы и сочувствуем. Несмотря на то, что Америка высоко развита капиталистическая страна, там нравы в промышленности, навски в производстве содержат нечто от демократизма, чего нельзя сказать о старых европейских капиталистических странах, где все еще живет дух барства феодальной аристократии.

Людвиг. Вы даже не подозреваете, как Вы правы.

Сталин. Как знать, может быть и подозреваю. Несмотря на то, что феодализм, как общественный порядок, давно уже разбит в Европе, значительные пережитки его продолжают существовать и в быту и в нравах. Феодальная среда продолжает выделять и технику, и специалистов, и ученых, и писателей, которые вносят барские нравы в промышленность, в технику, науку, литературу. Феодальные традиции не разбиты до конца. Этого нельзя сказать об Америке, которая является страной «свободных колонизаторов», без помещиков, без аристократов. Отсюда крепкие и сравнительно простые американские нравы в производстве. Наши рабочие-хозяйственники, бывавшие в Америке, сразу подметили эту черту. Они не без некоторого принтого удивления рассказывали, что в Америке в процессе

От СТАЛКИНА — В РЕДАКЦИЮ. Комсомолец выдвинул в ряд кино завода ой газет

ЗА НОВЫЕ ПОБЕДЫ НА

Дальнейшее улучшение культурно-бытовых условий рабочего класса, в том числе и рабочей молодежи, улучшение рабочего снабжения, развертывание советской торговли—должны явиться неотъемлемой частью повседневной работы всех комсомольских организаций

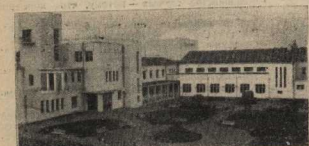
Столицу Белоруссии Минск украсило новое здание Сибелиусов. В этом здании—миллион том в книг

Харьковские рабочие отдыхают в своем новом клубе-театре

Рабочий клуб грозненских нефтяников

Равно смелы подальше металлосты при царице даже мечтать о таком клубе

Нравится ли вам проект нового театра МОСПС, принадлежащий архитектуре Тору (Берлин)

Конавальный Дом культуры

Ког-а-то здесь был летний сад "Тиволи", аэдрное место развлечения москвичей культурно-бытовое. Сейчас тут звучит комсомольский кино-театр в парке культуры и отдыха, целиком обслуживаемый комсомольцами

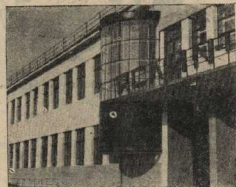
Специальная диетическая столовая обслуживает рабочих электростанции и другие предприятия

Комсомолец Голиков—слесарь Рыковского завода монтирует краны своего изобретения

Эта новая фабрика кухни в Макаевке отпущивает 48 тыс. обедов в сутки

Новые Яски

Комсомольцы Бобо комсомольского предприятия в Москве в отделе общественного питания. В столовой №7 обмундированы и женщины в отсутствие их в Москве

Дальнейшее улучшение культурно-бытовых условий жизни трудящихся требует в Советском Союзе развертывания торговых зданий в гор. Новосибирске

ФРОНТЕ РАБОЧЕГО БЫТА

В этих советских домах живут рабочие и служащие завода имени Г. Кавказа.

Быстровый дом для специалистов Геологиза в Свердловске

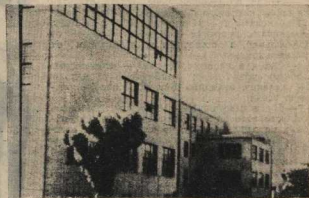
„Нынешний рабочий, наш советский рабочий хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей и в смысле продовольственного снабжения и в смысле жилищ и в смысле обеспечения культурных и всяких иных потребностей.

Он имеет на это право. И мы обязаны обеспечить ему эти условия“

И. СТАЛИН

Шахты строящегося в Москве метрополитена с каждым днем все глубже уходят в землю

В столице Белоруссии Минске вырос на пустыре огромный университетский городок

Кремляж Эдленюга в первом в мире автомобильном заводе — фабрике Оздартровского

Со дара Телгеон поймают брусковые деревья

Шахт-оси шахты № 101 с тригун-ся и бранител в слое хорошо с оборудованной парникамерской

В наших жилищах не должно быть места клопам. Да, инфантилы уничтожают змея, мы средствуи клопов

устроишь. По-моему, вскрыть ящик и посмот-

— Лучше все-таки вызвать милицию, — возразил Василий. — Раз был взрыв, так и не отпустил. Ну их!

— Завтра ты протри? — усмехнулся Зауч.— Ну, на голосование. Ты, Бусыгин?

— Я за то, чтобы вскрыть, — ответил Василий. — Я и тогда, — подбирала Наташа Андрея. — Тогда уж инициатива. Завтра захочу, — а лучше из комнаты выйду.

— Ну иди, — согласился Зауч и пожимаясь, привнес верхнюю крышку ящика. Заучих быстро вынул из него что-то.

— Действительно чипшир, — сказала Василия. — И электрическая батарея.

— Что же делать? — спросил Зауч. — По-моему, отнести ящик обратно в электрическую лабораторию, чтобы Василий установил.

— Нет уж, покажи в ящик здесь задержку, усмехнувшись, ответила Орест Петрович. — Надо надеяться, Макакар сам обзавестся.

— Все — изобретать, — восторженно сказала Василия. — Даже химикаты изобретают. Даже Макакар какой-то изобретает! Дали я, как собака, ничего не могу изобрести. Это очень обидно, Орест Петрович!

— Не все же изобретать, — сухо сказала Василия. — Я зато мерчу.

— Ну а ты — организатор, Бусыгин, — Зауч потребил Василию по плечу. — И теперь на тебе лежит большая ответственность. Ведь надо доказать, насколько слабо? Вернее, разное, — усмехнулась Василия, чернила не пишут. Надписи появлялись на психике. И все перестало вокруг седьмой А.

— Тут что-то надо предпринять, Орест Петрович, — ответила Василия. — Так дело отстаивать нельзя. Я бы конечно сам приняла меру, — у вас все-таки пионерский актив хороший, только больна — Иванкина больна, Андрееву ребята не слушают, а Сергеева совсем галстук на месяц сидит. А тут еще с волаты не ладится. Ходили вчера в райбюро, — ну, опять волатого, обещали сменить.

— Тогда действуя по учебной линии, — по совету Зауча. — Вернее для производственной практики опять трое не явились, — мне звонили с фабрики. И опять ребята из седьмой А у вас все по шее. Надо сделать так, чтобы они не явились на учебу. Вот погони — седьмая Б все обстоит в соревновании. И знания получат.

— Ну, уж это не дадим, — сказал Бусыгин и пошел в коридор. Иванкина вечером совсем забыла Василию. Василия собралась домой, но вдруг в раздевалке увидела Иванкину.

Она пришла в школу бледная, с забинтованной головой, — видно не совсем еще оправилась. Но Василия Бусыгина заметила, как она пришла по плечу и даже подпрыгнула от восторга.

— Иванкина, Наташа! Вот это здорово! Попала в самое время! Необходимо вынуть газету, потом совет баян, — подпрыгнула давно не собралась. А уж с пионерками! Прямо не знаю, что делать! Впрочем, ты еще больная? Не можешь?

— Да нет, я могу, я дома лежать не вытерпела, так одна бабушка чеп-чеп, — ответила Иванкина. — А что с пионерками?

— Ну, Виктор изотрез отказался. Уж его и в райбюро ткнули, прямо даже ставили вопрос о союзной дисциплине, но он — я не в каюку.

— А что он привидит? — спросила Иванкина. — Какие у него аргументы?

— Да нечего что никакие. Уперся, как козел, и твердит: «Не но мне эта работа, давайте любую другую работу», — а с пионерками все равно не справлюсь.

— Ну, напрямую он так, — Наташа нахмурилась. — И все прет, и очень хорошо справляется. Жалко, жалко. Но ведь иногда волаты как будто появляются?

— Это вузюка-то? Мы ее уж выкатали. Пришла, понизилась, и давай шипеть. Это это сто лет тому назад так с пионерками работала. — На шуту она нам такая? Я хотел с ней в разговор вступить по поводу наших разных событий, а она зарычала, как акшеринский мотор. Ну, пошел в райбюро, — так сказали, что никого сейчас нет, все брошены на произволение, у реанимации прорыв. Я уж прямо не знал, что делать. Так что, если бы не пришла.

— Так что же, самм надо брать, — сказала Иванкина. — Возьмемся, Бусыгин?

— Возьмемся, — делово подхватила Василия. — Назначив после уроков в клуб совет баян. Сидимо Андреева будет читать, как уж, как же бедолагот? Но это не надо, долгая же она поинья.

— И не будет она есть, — я ей доложи, — решительно сказала Иванкина. — А сейчас давай летучее собрание групповое устроишь, мне нужно кое-что ребятами сказать.

— Это я привнес устроишь, — сказал Бусыгин. — Сейчас же пойду, — вышел в коридор.

— Это я какой же стати? — помыслились недоуменные голоса. — Домой пора! Надоели! — Это я привнес устроишь, — сказал громом сказала Иванкина, становясь на табуретку. — Я вас догонила не задержку, ребята. А дело интересное.

Ребята столпились вокруг нее.

— Ну вот какое дело, ребята, — сказала Иванкина. — В прошлом году, когда еще мы были в шестой группе, я получила письмо от одного из вас, который здесь присутствует, и тогда было много смеху потому, что я пришла в школу. А тут, ребята, я получила новое письмо, уж не знаю от кого, — хотя там угроза, но все же я его прочту вслух.

— Опять про любовь? — Сейчас услышите. Вот какое письмо: «Эго тебе, Иванкина, последнее предложение поступил в союз. А почему из всех девочек избрал тебя, то знаю, что ты все-таки нравишься нашему атаману, и ты должна принять его и согласием. А атаман — это Макакар. Не смей никому об этом говорить, а особенно показывать.

— Я так и думаю, что Макакар — это Райкин, замочил Каниючим, у него даже лаборатория есть.

— Я вовсе не писал того, — возмущался Райкин, смущенно и краснея. — Я никаких таких писем не писал, а вы так думаете.

— Ага, ага, покорасе! — закричал Карпюшин. — Так и есть! Райкин!

— Я так и думаю, что Макакар — это Райкин, замочил Каниючим, у него даже лаборатория есть.

— Неужели это Райкин? — недоумообразно сказала Василия к Наташе Иванкиной, но та обрывается.

— Райкин, так как его окружили, затем в этот и было видно, как он слабыми руками пытался защититься от насильников на него ребята.

— Стой, стой, ребята, кричала Василия Бусыгин, пробиваясь к Райкину. — Так нельзя! Здесь дело гораздо серьезнее! Перестаньте!

— Сейчас же перестань! — топан ногами, закричала Наташа Андреева. — Опять дурацества! Как ведь учком приказано разогнать!

— Нет, — кричал Бусыгин, добравшись до Райкина. — Тут чего приказывать — ребята и сами должны поить, какой Райкин Макакар? Что вы, с ума сошли, что ли?

— Но кончить ему не пришлось, — по коридору в раздевалку принаслась седьмая Б, и в голубые бушлаты Карпюшин и Каниючин — присоединились к ним.

— Я вовсе не думаю, что это ты, Райкин, — сказала Иванкина. — Я ведь очень хорошо помню, что ты не станешь писать таких писем.

— Стой, стой, ребята, кричала Василия Бусыгин, пробиваясь к Райкину. — Так нельзя! Здесь дело гораздо серьезнее! Перестаньте!

— Вот что, актин, — Архангельский всетаг выразился несмелоко — торжественно. — Вот что, актин. По поводу этого Макакара нужно зайти поговорить с Орест Петровичем. Не возражаете?

ГЛАВА II

СОБЕДИЯ

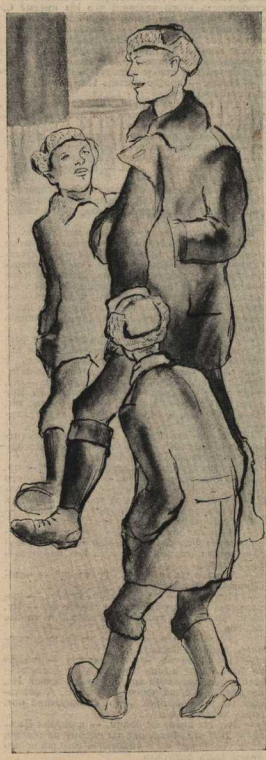
— Это кто? Неужели ребята? — сказала Орест Петрович, отворяя дверь. — Ну входите, входите. Какой ветром вас занесло? На бесспорно не обратил внимание, а человек оловянный, так привычно засмеялся. Сейчас давай свет. А! Бусыгин! И девочки — Андреева и Иванкина. — Ого! Сам председатель учкома тут! Весь актив! Ну как же, я сейчас так разогорю и поговорю о ваших делах. А делами должно быть наличие — ну, если бы так поздно не пришли. Садитесь, ребята, садитесь!

— Какая страшная картина, — сказала Иванкина. — Не стеснясь фотографировать картину, изображающую женщину в трубу и натуральную величину. Женщина была молода и красива; труба была весь в цветах.

— Ну, страшного ничего нет. Это все прощай! — отмахнулся рукой Орест Петрович. — Смерть, — ведь вы биологиче учитесь, — такое же явление, как жизнь, распад материи, не больше. Дно вас интересней настоящее и будущее: так оно на этой стене, как раз напротив. Идите!

Ребята повернули головы к противоположной стене. Ее украшал целый ряд диаграмм; некоторые были в архаиче, все они касались школы.

— Вот этим в горюху и любуются, — продолжал Орест Петрович, широко жестом показывая на диаграммы. — Здесь рост школы, рост ребят. Ведь вы двадцать лет и работаете в школе. Вот глядите, диаграмма 1913 год: детей рабочих — 16 процентов; вот диаграмма 1919 года: средняя посещаемость — 25 процентов илального состава. А вот и наша современность: средняя успеваемость за первые два

— Это какой же бегот холбасы, — проинорм Каниючин, следуя за волатым

стоит по соревнованию. Многие думают на Райкина, а я убежден, что это вовсе не Райкин.

— Райкин? Вряд ли, — сказал инструктор. — Он делал лагерь. Только, по-моему, ребята, ни к чему ни все это задание. Совсем зря разводите пионервоинскую. Тут другой совсем подход нужен.

— А что и делать-то? — недопонимая спросила Настя. — Работа на уроках только и богата, что про Макара. Зараба по всей школе пошла. Говорят уже у младших, в первой ступени, появились какие-то Макарачки.

— Вот и выходит, что вы не умеете энергию направлять по правильному руслу, — промолвил инструктор. — А кружки у вас работают?

— Работают на все сто процентов! — испешно сказал предучкома.

— Некоторые работают, — поправила Вася.

— Некоторые... Тут нужно не некоторые, а вполне определенные. Календи, говорясь, скандируют? Мелу в чернила насыпают? Надпись на печка делают?

— И не простые, — пояснил Вася. — На холодной немке ничего не видно, а как затупит — тут надпись выстукает.

— Так и есть, — соображал инструктор. — Явный факт, что нужно усилить технические кружки... Химический-то кружок есть?

— Нет, нету, — как-то подобрел инструктор, отпустил Настю. — А ведь это правильно. Мне как-то в голову не приходило. Ребята у нас во как химией интересуются, а химического кружка нету.

— Это потому, что Мария Григорьевна и так больше времени уделяет, чем нужно, — сказала Вася.

— Ну, все равно так, почему, — сказал инструктор. — Вот и надо завести химический кружок. Тогда энергия ребят будет уходить правильно, по плану. А не пионервоинской заниматься... Ну, прощайте, ребята. Мне пора. Пощелкните мозгами насчет химкружка.

Он ушел. Из раздевалки было слышно, как гремела в своей камере Федосеев. Надела доверху грехот тряпья. Было странно и немного жутко в пустынней, едва освещенной школе.

— Пошел в кабинет по одному, — предостерегла Вася.

— Нет, лучше быть ближе к выходам, — ответил Архангельский.

— А все ли мы осмотрели? — спросила Настя. — Нет ли каких-нибудь узелков или камерок, где можно было бы спрятаться?

Голос звучал глухо и неуверенно. «Покажу, ничего не найдется, только зря время потеряю, — прошепел в голубе у Васки. — Лучше бы я дома во математике подзаглянул».

В этот момент наверху послышался какой-то шум: не то колокольчик трезвона, не то шелест какой-то занавески.

— Что это? — спросила Настя и шагнула к лестнице, но Вася, опередив ее, уже бросился, махая через несколько ступенек, наверх. Дрожавшей рукой он выхватил из кармана тонкий фонарик, и колеблющейся световой круг пробежал его позу перед ним. В коридоре ничего не было, и Вася, по очереди распахивая двери, стал заглядывать в кабинеты и лаборатории. Звук повторился наивысшей и громче.

— Опять! — сказала Настя, и ее голос повис в зале с елишком грохотом. Вася осветил дверь математического кабинета и схватил дверную ручку. Дверь не отворилась.

— Разве здесь замперто было? — шопотом спросил Вася.

— Хорошо помню, что дверь была открыта, — прошептала в ответ Настя. — Ты дерни сильнее, может дверь осела.

— Осторожней, товарищи, — доносил с лестницы свистящий шопот Архангельского. — Возьми они с кружками.

— Кто-то? — что еще осторожничает? — Вася рванул дверь, она слегка подалась, чтобы тут же опять захлопнулась.

— Там кто-то есть! — американа Настя. — Дверь сильно отпирается.

Валом схватились они за ручку. Вася уперся ногой в стену и — дверь распахнулась вползая так, что Вася с грохотом полетел на пол, но тут же вскочил и ринулся в кабинет, махая фонариком.

— Кто это? — кричала Настя. — Сейчас же вылезай, все равно найдешь.

— Да вот он сидит! — раздался васкино горло из угла. — Валася, Кивичкин. Что ты тут делаешь!

...Звучи и завож рассматривали до-ольно большой ящи

— А ты сам что делаешь? — словно перепуганная, ответил Кивичкин.

— Ну, ты не оченя, — строго сказала Настя. — Не мешай праву по-рокам в школе сколачивать! И зачем дверь дерешь? Нечего делить совещались, что ты тут делаешь? Хватит сто за руки, Вася, посмотрим, что у него в карманах.

— Ничего у меня в карманах нету, — слезливо судилово ответил Кивичкин. — Вот галделет.

Он вывернул карманы — в них действительно ничего не было.

— А я здесь занимаюсь, — в потон слыть захлопнула, — ободорившись, продолжал Кивичкин. — А потом залез под стол, ли и встану! Вот и все.

— Ну, это на учком придется задрать, — гроз-

но обьявил Архангельский, появляясь в кабинете. — А теперь марш домой.

Ребята выверодили Кивичкина, снова затерли двери и с фонариком тщательно обыскали все школьные помещения. Больше ничего найти не удалось. Прошедшими до двенадцати ночи, Архангельский, Андреев и Бусыгин; заложили по домам. Федосеев элипер за ли дверь.

А наутро, когда протопталась печка, на изрзачках повывалась надпись:

«Как ни ловите, все равно не поймаете Макара».

Кивичкина спрашивали и училища, особенно старшая Архангельский; но Кивичкин упрямо твердил, что ничего не знает, что остался в школе случайно, потому что зану.

ОНИ БУДУТ СЧАСТЛИВЫМИ

Саша Незвестная — воспитанник Златоустовской школы ФЗО, бывш. беспризорник

У него большие глаза. Матовый цвет лица, шелковистые светлые волосы придают всему его облику какой-то «благородный» оттенок. Но как обманчив прелез впечатлений!

Всего его юная жизнь — ему всего лишь 17 лет — пошла далеко не «благородными» поступками. В течение десяти лет он бродил по Союзу бездомным воровской, «работал» временами под руководством опытных рецидивистов.

Сил красного партизана, зряски замученного бездомничью в Питтсбурге в годы гражданской войны, он 4 лет от роду оставил один. С 7 лет начинается самостоятельная жизнь беспризорного в Тифлисе. Пять лет он питается помачками и мелкими кражами у торговки на базарах. Двенадцать лет он решил перенести свою «резиденцию» и переезжает во Владикавказ. Здесь он сразу попадает под влияние банды опытных воров и занимает место сигнализатора. Через год после ликвидации банды он переезжает в Москву. Снова уличен. Недавнее прошлое снова с неудержимой силой влечет его к себе, и в московских трамваях, на вокзалах появляется еще один исследователь чужих карманов.

Но вот наступает разочарование. Хочется бросить погоны за дерзкой наживой и своими трудами приобретать право на существование.

Он поступает учиться в школу. Целью жизни он учится, втягивается постепенно в общественную жизнь, становится активным парнем на всех участках работы. Его признают в колхозе.

Мы встретились с ним совсем недавно по второй половине мая на первой конференции воспитанников школ ФЗО Наркомюста в Москве. И не только с ним.

Вот 18-летний Саша Незвестная, имеющий шестилетний стаж по присвоению чужих велосипедов, мотоциклов, пишущих машинок, стреляный выстрел на близлежащих. За свою недолгую жизнь он имеет четыре судимости, несколько побегов — из Соликамска, Туринаска, Свердловска.

Здесь в Суеве Ростовичев, достигший 17 лет назад, карманник воронка на трамвайных остановках в Ленинграде. Тут и юная Галина Дубровская — ближайшая соратница мажнитоного спецагента по ночным полетам на квартире в центре Москвы.

И все они — и Некрасовы, и Незвестные, и Дубровские, совершившие тяжчайшие преступления перед трудящимися населением страны, — все они, кто по законным юридическим вестиям являются неспособными и должны быть брошены в каменные мешки или посажены на

«застывший стул», — в нашей стране, в единственной в мире стране пробиркаской диктатуры, обучаются в исправительно-трудовых учреждениях.

И сегодня они собрались вместе со своими предшествовавшими соратниками для того, чтобы обсудить свои нужды, поговорить оной работе и наметить кратчайшие пути для улучшения имеющихся еще недочетов. Такая конференция преступников возможна только в стране, строящей социализм. Ни в какой капиталистической стране немалыми такая конференция.

Сказали на конференции, воспитанники привели с собой тысячи экземпляров своих учебных дневников. На богатейшей выставке представлены почти все школы ФЗО Наркомюста. Здесь можно найти множество товарищеских и сектарских изданий, детскую мебель. Все это сделано как-то с любовью, любовью и тщательностью. Можно узнать, например, что ученик 14-го класса Витекской школы Жуков сделал ручные тиски в 42 часа вместо заданных 70 часов.

Успешность по изготовлению в группе слесарей увеличилась в процессе соревнования с 88,7 до 91,7 проц.

Пышные фотографии серпуховской и златоустовской школ, сделанные руками самих воспитанников, могут послужить тому, как являются люди, попадающие в советские исправительно-трудовые учреждения.

Вот группа оборванных, грязных ребят, только что попавшая в златоустовскую школу Хмураев, эдак, испуганная лада в кабинете начальника. Самодельные карты, которыми пользуются новички, тщательно срываны их от воспитателей. Представитель альбомов. Дешевые картины постепенно изменяются. Числитель костюмы сменяют ахоты. Сменявшиеся от холода фигуры, находящиеся себе в свое время приют в асфальтовых котлах, наприкрылись на чужой постели. Дрзак из-за замужней карт сменяет удумной полой у шахматного столтика.

У товарищеского станка, запрятого через болыные свои спицы дулей зрягой солнца, сосредоточенно работает бывший обломок империи, и под ним — поднимает: «Ударник Тигвишев». И еще много «бюрократов — митингов», библиотека, драмкружок, духовной орадер — провозглашено прежние пиццет, оловушеству и преступничью.

И совершенно естественно, что, разпоручив конференция о своих победках (документов оценено 100 руб. работ, покормившего воспитатель с 78 до 58,9 проц.), воспитанники Московского исправитрудкома в заключение вывели благодарить первым в мире пробиркаскому государству за то, что оно вырвало их из-под власти преступлений и направляет по новому пути.

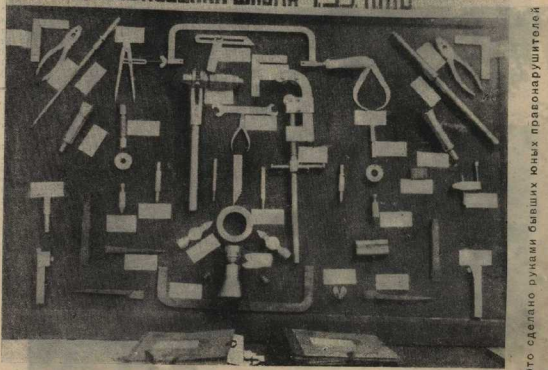
Галл Дубровская — воспитанница Введенской Островской исправитрудологии Душешев, бывшая беспризорница

длительству за то, что оно вырвало их из-под власти преступлений и направляет по новому пути.

И счастливый в преддверии замарочной юности т. Алетер повисает на черной с рядом сплавными членами президиума, делегатами конференции, бывшей соратницей мажнитоного спецагента по ночным полетам — Галиной Дубровской и бывшим одесским худологом — Михаилом Некрасовым, все они улыбаются и долго заговали в задолги уходящим под браунинг марш. Теплоде-милый оркестром серпуховской колхозии, воспитанникам Москвы.

«В СССР не должно быть бездомных и беспризорных. Пусть будут юные, молодые, счастливые граждане» (Ленин).

1 ПОСКОВСКАЯ ШКОЛА ФЗО НКВД

Это сделано руками бывших юных правонарушителей

Летозаготовки

По-новому Москва работает, по-новому хочет и отдыхать.

Десять миллионов человек войдут за это лето в пороги Центрального парка культуры и отдыха. Миллионы потребуют высокого качества, и на него, как на качество образцового отдыха, являл пришел Парк.

В одно (бск и в другое) и третье) переосвоит новые утро выходные спрыгивают с трамвая. Входа Парка радужно-вспускают посетители. Будьте капризны, товарищи посетители, копейтесь в культурной ассортименте Парка, проубойте его на вкус и цвет — ищите каждый себе по потребности.

«Техника, дай 5 в 4» — рмеает свирепый приобретатель Всевозод Иванов Шикин, мастер завода № 1. И он пойдет поглядеть с техникой.

Нам знаком техпрод летних садов с его энергобай, сидозером и весами («дай лиц, уважающих свое здорювие»). Эталоны техника не увидела Центрального парков. Ни в Несучиной саду, ни в других, тоже не скучных и дивных углах Парка, не найдется жидлощадки для техникума и музейной скучины.

— Модели руками трогать. Показывать не технические музны, а живые машины, дышащие и работающие, — на это равняется техгород Парка.

Мы увидим, как заманят квест, шарнирующая в шахту; мы увидим потолокуют е консультантом в один из 20 паучих кабинетов; чертешина Парка одолжит нам рейсфелер, и на производственных спартакиадах войдут фидаться техника, смекалка и ринаши. Не музейный морг, а до краеша наполненные жизнью сектора Парка найдем мы в техгороде. Сорится геологом отозовили Несучиного сада апертисткой нам родозолению земли, и на несучих технических слетах миллионы внесут свои творческие заявки в проекты второй дитицети.

Техгородок будет дышать легкими патнестки и двигаться по компасу решений XVII партконференции.

Достижения техника вылезут из проектов и выирямится здесь перед изумленным посетителем. Телевизор — это глаз, раздвинутый на тысячи километров, говорящая булгага, собирающая новые статьи и минимизация, эти чудушные тяжеловеса и алюминенные чемпионы теса «пер», пройдут здесь в параде технички.

Здесь в «Зале златоков» встретится лучшее, а покорились техника соборуют за чашкой чая обменяться опытом и обесценить поминь тем, кто еще никак не совладает с техникой, кто не сумел еще выпрячь ее в урядель патнестки.

Это будет, по сравнению с летними сезона еще укучивают городок технички. Июнь пришел, так водится, именно в июне, по городок технички приобьет в крок не сумет. Это летние НКТ, апрова и Парка культура не выдушилось для скоруртума проектов, и ретивый Шикин может насладиться техникой, в лучшем случае пугада упользные алтаны техпрона.

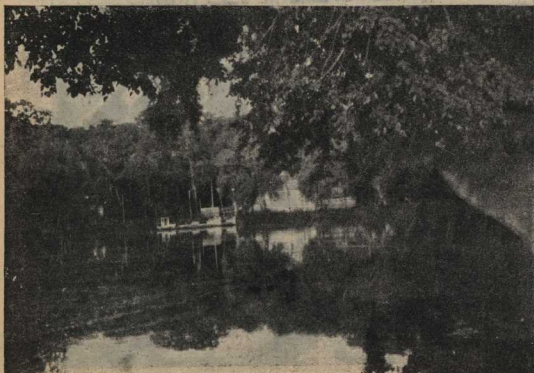
«Стой, ни шагу мимо Осозалхима».

«Фронты не слаты с повестки времени», — паломник нам Дом обороны Парка.

Как планетарий уплотняет небо в пределы потолка, так и военный уголкок — фронт, устившийся на ладони. Впрочем здесь же и тил. Можно пригрозиться е газовой аткаки, снид а погребке «Камень газозуривания», а релетировать на очень шатком веском стуле свою роль в противозадушной обороне. Здесь на козлы Несучиного вскарабкается военничкованный лагеря и около полотняных стел забурлит военная тренировка. Здесь же мелкокалиберный тир, голубиная станция, манеж с прокатом десных велоседов, псадыльо служебных собак, и Ольга Семенова спомлет прирметца своего «Бульди» в этот вечерний собачий агуз без отрыва от производства.

Сверху: теннистая аллея в Центр, парке культуры и отдыха (ЦПКиО), снизу: луг в ПКиО.

Фото Б. Иванчиного.

Тут же на причале стоит московская «Лавра» — деспилюющий обвязки корабль из фанеры и холста. На нем одолеют «эзы» всемогущей службы, и будущие морские волки с красного пролетария и Гозна будут штурмовать сигнализацию, грёбля и болатой ногой в мезалкохидной Москва-река, пытаясь вызвать подобие швала.

Мы не рисуем заманчивых портретов планерной станции и других обьектов, ибо и весёлый городок лета заблагодарственно не заготовил. Он еще в стадии становления. «...ка что на бумаге у него больше интересных вещей, чем на площадках Парка. А лучше бы наоборот.

Я уверен, что техник Ульянов — парень вечно вращающийся, точно он всю жизнь проводит в трамвае, — даже он просияет под лучами детской культуры Парка.

Долгожданный летний хахтура. Доловьём впасть в мутной тине «Аквариума».

Малый, Ленинградский театр драмы, бывший Корш (все еще почему-то бывший, а не настоящий) и Мейерхольд играют этим летом в Парке.

Музыкальная программа филармонии, Шалито, ГОМЕЦ, 6 открытых эстрад и большое звуковое кино — это зрелищный закуска.

— С солнцем, воздухом и водой договоренность достигнута, — заверил нас физкультурный сектор. — Было погодка заготовлено для удовлетворительное лето.

Ленинские горы. Здесь развертывается гигантский физкультурно-оздоровительный комбинат.

Аэрарии (воздушные ванны), озониры, школы плавания (10 тысяч обученных плавать), 400 лодок, школа грёбли (100 тысяч обученных), байдарки, моторы, площадки для воднобола и т. д.

За лето 60 тысяч человек получат в Парке аттестат боевой зрелости, славы борны и от о т о к труду и о б о р о т с я, и подрастают тысячи выходящих впрохрут одношнанный дом отдыха Парка.

Протянутся 9 километров новых дорожек, а миллион цветов украсит и без того принажное лицо Парка.

Таков остоу летней работы Центрального парка культуры и отдыха. Увы, пока это — путеводитель, написанный в будущем времени, так как значительная доля обьектов еще не встала на ноги. Строительство идет рабскими темпами, а посетители хотят иметь Парк готовым полностью — сегодня.

Год назад от Центрального отпочковался Сокольнический парк, по горло укутанный зеленой сосняковой массой. Этот Парк поливая зима культурной революции нат тысячью га.

В отличие от тисного Центрального парка, где лодки Шалито упираются в зверинец, а выставки жмут бока театру, Сокольники децентрализованы. Это уже удобство. В то время как в Центральном парке вечер привнесет неизменную толкучку, а хвосты вырастают у... и кинескоп Сокольники — стегие Москвы — ливает ровней в сновой.

Сокольники развеселились эстрадами. Крут зашит театром, бизндррами, площадью профессоров, рестораном.

— Мы не хотим уходить с реки, — заявил нам пришедшие к воде водоподожники. — Каким же у нас будет культура?

Будьте покойны! Интересы страдающих волной и плотию пришедших к лодкам и плаванию тоже вьют на учет. По Москва-реке будет передвигаться плавающий культисити — плат с актрисами, докладчиками и обьекстом.

Одиночке, пришедшему в Парк, не придется ныне бродить в поисках: где бы чего бы пристроиться? Он сможет увидеть эспорочку одиноким на день, на полдня и получить по ней полный вагон Парка.

Можно успокоить еще семейных, что ребята будут теперь обслуживаться не только в детгородке, но по всему Парку. Семьи смогут брать шпроток палатки, коврики, гаммаки и самовары.

Сверху — беседка над Москва-рекой
Снизу — уголок Сокольнического парка культуры и отдыха.

Фото Б. Иванкина и Богданка

Летом Парк, перешедший на полный возраст, вырастет до миллиона рублей.

После отхода физкультуре, велосипедов, тир и пр. Объект стоит в разомкнутом строю, отделенные зеленой рекой богатейшего леса, где до 50 проц сосны, где простоя часовни-прогулка — это уже благодатный отдых, уже купание и тишина и потрескивание легких сосновым газодухом.

Однако хотя и Сокольники торопятся, это торопится человека, оползающего на поезд и бегущего вдогонку ему по напавшим. Только только приготовившись физкультурой, так как оказывается, что Парк неслился на стадион ЦДКА, который повисел конечно ему дарить и не собрался. Строится столовая, мчатся борды для тенниса, идет ремонт в детской столовой.

Открытая сцена в Сокольническом парке привлекает тысячи отдыхающих

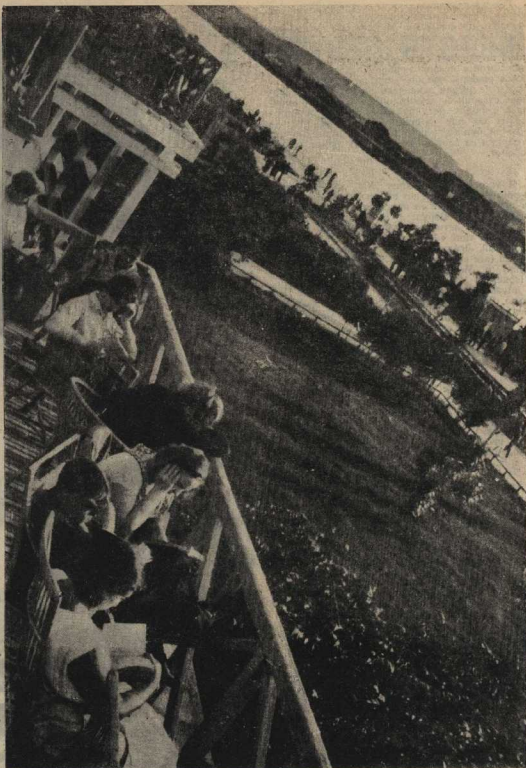
Сокольники, на проморозах отход поездов! Шеговая склонность к визитной словесности, Парк украсит свой лесной пейзаж додумками, прямою назначением которых — выдавать отправление к стихам:

«Кому хоть трава не расти
Того в парк не пустят!» и т. д.

Москва обрабатывает районный парк. Фрунзенский, Краснопресненский, парк «Красного богатыря» подлились на рабочих, окранных. Однако если увидать вывеску «Парк культуры и отдыха» на заборе обычного летнего сада, — не верь глазам своим. Это уже оптика и ее разновидность — оксюморонизация. Ведь Парк — это культурно-массовый комплекс, это организатор досуга миллионов рабочих. Не вывеска делает Парк, а Парк вывеску. В частности пора пораки разидеть последние поток посетителей и отпадать от огульной кормежки как сессиина, так и квалифицированного инженера одинаковой культурной пищи. Требуем дифференцированного подхода.

Летняя читальня в Сокольническом парке

Летом гораздо приятнее поработать на свежем воздухе в культбазе ЦПК и О, чем в душных стенах библиотек

Если Шенер плазмиет приглашение в молодежный клуб, то почему парк культуры угрожно пропагандирует только песни ВИАМ, где краснота определяется непререкаем «Эк!» и «Эк!», а протарканная целесообразность повторением слова «Даешь!»?

И потом у Маякса ведь не намечалась ликвидация смеха при социализме, а парки жекологали веселье в ехонату смеха, хотя вся территория Парка должна широко улабаться. В Сокольниках единственный уюток юмора — это лоджия, да и та не в самом Парке. Сам Парк настроен чинно, серьезно — ему не до шуток.

Летняя ванна капиталистических городов с прохладной ружкой простит кокетку на панетях бенков Уолл-Стрита и Курфюрстен-Дамен. Финдальфия не платит жалование 25 тысячам годовых служащих. Нью-Йорк, Чикаго и 80 городов муниципальных Гершвин обновили себя велдатееспособными. Город Шенер держал все школы и большую часть больницы.

Летнее солнце закрыто тучами кризиса и если оседланный мещанин из «Малыгина» засидит на «дядю», то это потому, что нужно выкидывать его из квартиры на свалку городских оброчив.

Солнце идет с востока, из страны, где протестировать работает на себя, где он свободно «идет» для свободного труда, где время господствует за нас, вивидных выходов из сумерек в «уничтожении капиталистического способа производства, в присвоении самим рабочим классом всех средств жизни и орудий труда» (Энгельс).

Беседка над Москва-рекой

ШУРА БОГДАНОВА

Шура Богданова приехала на сесте вместе со всей делегацией Бернска. И когда уже закончилась работа в Бернсе, делегация повезла итти деревню згана своего жизненного пути, Шура рассказана нам свою жизнь. Только здесь, на сесте коммунистов — бывших пионеров, она по настоящему осознала свой путь.

Шура не участвовала в гражданской войне, никогда не работала в тюрьме, да и о том, что когда-то было подполье, что большевики появлялись не вдруг и не из «германского нагона», узнала сравнительно не так давно. Шура родилась в 1907 г.

Жизненный путь Шуры — путь сестен и тысяч рабочих подростков. Шура Богданова почти не покидала своих родителей. 10 лет, в 1917 году, она пошла в сиротский приют. В приюте было голодно, печка не отапливалась неделями. И, не выдержав, Шура ушла в деревню к родителям.

Однанадцатилетняя девочка испытала всю тяжесть батрацкой работы. Работа батрачки была для нее особенно тяжелой, так как ей, помимо работы по хозяйству, пришлось вышивать хозяйских детей. Несколько раз Шура пыталась уйти, но, махавшая, совершенно неграмотная, не знала, куда, не знала, где ей искать помощи и защиты.

Длинный, бесконечный обком поглотил два месяца года. Перестраивалась страна. Советская власть вела упорную борьбу с беспризорностью, собирав сотни и тысячи уличной детворы — первых кандидатов в преступники — в детские дома. Там их приучали к труду, воспитывали новым, здоровым образом.

Еще этого не зная Шура. Несмотря на свои тернии уже 14 лет, она не только не умела писать, но даже не знала азбуку.

В 1922 г. Шура впервые увидела свет, как она, девочка из красных батрачек. Ей очень трудно было писать, почему такие асы, как она, махавшие и совсем как птицы небогатые девочки махают красивые галстуки. Пионерки познакомилась с Шурой, и по сестере, отрывавсь от работы, Шура пришла ходить в отряд.

Только теперь, когда в отряде после сборов снова подруги начали учить Шуру читать, она пошла всю тяжесть, весь ужас своей безграмотности. По-новому представилась Шуре вся ее жизнь, по-новому стала смотреть она на по-другому на хозяйство. Шура Богданова поняла, что она живишь историю жизни — новую, большую и интересную. Но в то же время она отчаянно понимала, что итти в отряд — это значит несло проводить вечера, приобрести навыки очень хороших товарищей, итти в отряд — это значит научиться читать и писать, это значит освоить заморную итти ремеслу. Остаться же у хозяйства — это значило работать с утра до ночи, ибо не только Шура — это значит освоить заморную итти труда не зная о Шуре. Остатки у хозяйства — это значит никогда не научиться читать, все слово жизни, работать невнячно, по зато не будет здесь луский пригород, но корнети, ее оделуг, у нее будет уют, где она сможет спать. В отряде у нее будет горячий обед, она научится читать, ей негде будет спать и нечего будет есть.

Шура — растерялась у истоков двух жизненных путей. Она не духа пионерского гостика, чтобы хозяйки не догадались, куда Шура уходит по вечерам. Пусть галстук лежит итти свертанный в кровати. Шура знает, что она итти право его носить, и ей она не хотелось терять это право. Но во то же время она понимала, ей согласна на то, чтобы она поехала отряд.

Шура не сумела сама решить задачу и пришла за советом в отряд.

Отряд доносит того, что ей разрешено поехать, сборы (больше не надо было прыгать галстуки), и Шура решила пойти, что у нее поинтерно поезде дружи и знакомы — не только здесь, в городе, но она знала, что во всех городах страны каждый краснопотелушник будет ее другом и защитником.

Шура избрала вожатым згана, и згано ее стало лучшим згеном в отряде. В мастерских она научилась стачивать, перестало багавать, и ее згено первым по всем отрядам пришел на згано помогать рабочим.

В 1924 г. колхозная згана Шура Богданова отряд единственною переехала в комсомол.

Неграмотная батрачка в прошлой жизни, активная пионерка, а теперь работница добросовестного заводца — Шура Богданова получила комсомольский билет. Ей же итти поручила организовать новый пионерский отряд. В течение двух

месяцев Шура организовала 2 отряда. Шура хорошо помнила годы своей безграмотности, и все силы бросала на воспитание детворы. Безграмотных ребят иттинула она в отряд, воспитан из них хоронили комсомольцы.

Каждый вечер, каждая неделя, каждый день приносили новые знания, давали новые навыки, опыт.

В 1927 г. Шуру избирают секретарем комсомольской ячейки и переводят в партию.

Пройдя путь воспитанной большевика, пионерка — комсомолка — работница, Шура Богданова стала коммунисткой, дисциплинированной, беззаветно преданной партии коммунистов.

О своей дальнейшей работе Шура рассказывает:

«В 1927 г. меня избирают членом бюро губкома комсомола, и я работаю председателем губкомского бюро пионеров. Зная только работу в отряде и ячейке, мне было чрезвычайно тяжело руководить губкомской организацией в 18 тысяч человек, тем более, что я была только практиком, за все время работы в комсомоле мне не пришлось по-серьезному ничуть учиться».

«Бот згесто, на большой, ответственной работе, я опять получила помощь — и поддержку комсомолом. Только благодаря большой чуткости и вниманию губкома партии и губкома комсомола мне удалось справиться с работой».

Полтора года и работала председателем губкомора. В 1929 г. меня перебрасывают на окольную комсомольскую работу. Отсюда стечет стечет стечет стечет стечет, когда не кончат школы, сильно давало себя чувствовать. Мне разрешали уйти учиться.

Полтора года я училась в колхозе, по по мобилизации партийной организации была снята с учета и год работала в Бельской районе председателем Районгребкомора. После кооперативной работы я переехала в Бернск, работала помощником директора на одной из больших фабрик Бернска, а сейчас работаю заместителем секретари партколлектива».

С большой радостью рассказывает Шура о своем пребывании в отряде.

«По-настоящему мне в 1907, а в 1922 году, в пионерском отряде, пишется мой жгана, — говорит Богданова. Однако, приобретя

ные в отряде, згана у меня до сит пор. В отряде я научилась читать, так и впервые познакомилась и получила силу коллектива. Там поспели по мне чувство веры и преданности коллективу, там научилась коллективна ставить выше всех своих дел — а это, и считано, сейчас главное. Если бы не отряд, я быт может еще долгое время оставалась бы неграмотной багаврой».

Пребывание в пионерском отряде помогло мне не только в моей повседневной работе, но и в личной жизни. Я научилась складывать коллективна. Приобретение в партийной и комсомольской работе опыта и знания состоится у меня с пионерской напористостью, решительностью и задором».

«Шура Богданова — один из организаторов районного совета коммунистов, бывших пионеров. По ее инициативе бывшие пионеры взяли на себя ряд конкретных обязательств по оказанию помощи пионерским отрядам».

«Шура Богданова, — говорит Шура, — создала при партийном коллективе специальный совет из взрослых рабочих по помощи отряду. Сама привлекла для практической работы в руководстве работами в комсомоле, — И, немного покладая, Шура заявляет: — Еще одно обязательство я взяла беру на себя. У меня есть сын. Я обязую воспитать его хороним пионером и коммунистом».

«Все свои обязательства, несмотря на большую загрузку партийной работой, Шура успешно выполняет в жизни».

«Всю жизнь 10 лет тому назад в пионерский отряд Шура пришла с навыками и характером, воспитанными утеей и хозяевами. А теперь Шура — лучший дисциплинированный коммунист, один из руководителей партийной организации».

В 15 лет Шура стала пионеркой, в 17 — комсомолкой и в 20 лет — коммунисткой.

Шура выросла и воспитала большевистский коллектив, и она никогда не придет в столкновение с коллективом».

10 лет существования пионерской организации — 10 лет успешной борьбы партии за воспитание нового человека. Тысячи итеранных пионеров сегодня с честью выполняют задания партии на самых разнообразных участках стройки социализма.

ЯВНО УХСАИ

Комсомольский поэт

Чувашской АССР

Слушай, республика,
Я — твой сын,
По приказу явился в срок,
Я крас с тобой,
Я рос с тобой,
С тобой поднимался выше.
Это тот моих рук
Намех курок
Мастом стекает, слышишь?

Там, где лодкам ми,
Теним-теино
Там жария нить ветает.
Но дисциплина, как прежде, — во!
Саушан, республика,
Сердце мое
Часто, как мнет затвор.

С имени вад,
Полесной рифмой,
Сульфурфосфатом
Любей, земля,
Вот ты илзем,
Поднялся выше,
Но мы занимаем тебя, земля,
Твоя отборные синоязы.

Уже костьюям
греют война,
Уже за солдатом
бежит жгана,
За сыном
хромает мать,
В каждой двери стучит война,
Газы текут в дома.

П Р И С Т А

...Там нам
Мерещишь
На рассвете,
Мы прожегали
Всю ночь
В сверсе —
В зелени
Огне трава.
Нас жгет

Пограничный ветер
Дыханием порохом,
Республику спрашивает:
— Губовы?
— Есть!
Отсечем мы,
И меткий
Огонь вытвояк
Летит из зеленой глмы.

Вольный перевод
с чувашского А. О. СЛЕНДЕР А

МОЛОДОЙ РАБО-

Литературный монтаж М. Афонина и С. Фигель

Трипольская галерея

**У ПРЕДЫДУЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ ЗАДАЧА
СВОИЛАСЬ К СВЕРЖЕНИЮ БУРЖУАЗИИ.
ВЫ ДОЛЖНЫ ПОСТРОИТЬ КОМУНИ-
СТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО**

(Ленин)

МЫ ЮНОСТИ НЕ ЗНАЛИ...

«Только нам гулять не довелось
По полям, по пашам золотым!
Песный день на фабриках колес!
Мы вертим-вертим-вертим.

(Некрасов «Пляч детей».)

«...На фабриках, заводах и шах-
тах наши дети с семилетнего воз-
раста уже превращаются в товар,
выгодный для капиталистов.»

«И если для детей ухабен труд
на заводах, то посмотрите, как
ухабен труд детей на рудниках,
где они, как и каторге.

В Кировоградском районе работа-
ют дети начиная от 7—8-летнего
возраста. На рудниках около 80
проц. работающих детей—больны.
Вид у детей подавленный, лица
заброшены морщинами от непос-
ильного труда, формы тела урод-
ливы; работают дети так же, как
и взрослые, с 6 часов утра до
6 час. вечера, не отходя ни на
минуту. За малейшее уклонение от
работ, за самую ничтожную про-
винушку мальчик штрафуются.»

(Из речи большевика Г. И. Цер-
ковский на заседании Государ-
ственной думы).

Последней ступенью вздули рабочей семьи, когда жал-
кий заработок ребенка покрывала бюджетную нуждую
жизни, умело пользовался фабрикант и заводчик. Еще
бы! Ведь применение дешевого детского труда сулило им
громадные барыши.

2.000 ДЕЗОЧЕК-РАБЫНЬ

Новая бумагопрядильная фабрика Деловской мануфак-
туры распространяла в балканских селеных лутчиках:

«15 августа 1903 года потребу-
ются девочки от 13 до 19 лет.
Начальная плата для девочек от
13 до 15 лет—20 коп., а день, от
16 до 18 лет—25 коп., и от 19 до
20 лет—30 коп. на своих харчах,
но на хозрайской квартире. Таких
девочек-подростков фабрика пред-
полагает набрать до 2.000.»

«Дети не принесут своих роди-
телям никакого материального по-
собия, будут пребывать во вре-
д.»

А НА ДЕЛЕ БЫЛО ТАК...

Работали мы, дети, поспешно
днем по 13 часов, а потом и
поночь смену—с 8 часов до 4
часов... Спали в шерсти, на маши-
нах... Квартир рабочие почти не

ной для их возраста праздности и
расстройт свое здоровье, находясь
в душной атмосфере своей избы-
точно светлого и здорового по-
мещения нашей фабрики—так
«никакие доказывали купцы бр.
Худому шарскому правительству.
Бедные родители и бедные де-
ти, пребываящие в праздности!
Они и не подозревали о милости
своих благодетелей, «никакие»
непривыкших—разрешение на
право своей отеческой опеки.»

писали и жили в казармах на гряз-
ных парках, в необжитойной
суетливости, или почтала прямо
в мастерских—тепных и грязных.

КУДА ОНИ ДЕВАЮТСЯ? ВЫСЫХАЮТ!

«Сотрудник «Русских ведомо-
стей», наблюдавший работу детей
при температуре в 40—45°, спросил

фабриканта, что за люди высуше-
лись, выходя из этих, работав-
ших при сундальных барабанах, а

Теньковский от жалости.

Перов.—«Христианские похороны»

вредных и из пепелках? Фабри-
кант дал такой ответ: «Вот знает,
куда они у нас деваются, мы уж
както их не видим после». «Как
не видеть?»—«Да так: высыхают
они!»—«Вы хотите сказать, что
впоследствии они мешают род сво-
их родителей ни переходят на дру-
гую?»—«Нет, просто высыхают,
совсем высыхают—отвечит сер-
виз фабрикант.»
(«Русские ведомости».)

ПОДЛЯ СИСТЕМА ФАБРИЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЛАГОСЛОВЛЯЛАСЬ «СВЯТОЙ ЦЕРКОВЬЮ»

«Св. Троицкий собор в Санкт-
Петербурге вынул такой текст:
«Смиряте повсеместные жалобы
на единение подрастков... Гру-
ость и пыльность, курение, кар-
тежная игра, воровство, ложь и
т. и прочие все более и более за-
ражают наших подростков. Мы
все страдем от этого одиначия,
но более всего страдаю и терпя-
ю от него хозяева торгова-
ных и ремесленных предприя-
тий: ведь—грубые, несчастные

жившие, порочные мальчики и
девочки—плохие ученики и учени-
цы. Мы и дети и в пономощь хо-
зяевам прежде всего по исполне-
ние должней, на них религиозно-вра-
стительной великой обязанности: ведь
хозяева, возмужав мальчики или де-
вочки и обученные, заменяют им
отцов, хозяев—матери... Чтобы
обсудить это важное дело, мы
приглашаем хозяев торговых и ре-
месленных предприятий на собра-
ния.»

ЖИЗНЬ—КОПЕЧКА

«...На заводе «Иронида» по парти-
ципации Рабочие по опыту
знают, что быть несчастным. Но для
начальства жизнь рабочего—ко-
пейка, лишь бы барыши были.
Начальство заставляет мальчиков
чистить котел, который находится
везде трубы. Труба разрывается
и обваривает пять мальчиков-уче-
шников, из которых двое умирают.»

Начальство не несет конечно ника-
кой ответственности...
«Отрешлен 13-летний мальчик
Муратен, боясь наказания, хози-
на за потерявший рубль.»
«Новоселен 13-летний мальчик
Богачен, боясь быть уволенным за
разбитое стекло, стовеще 3 рубля
50 к.»

(Из газет)

Эпидемические болезни, голод, лишения, кабаза хозой-
ских работ, подавлявали не одну сотню детских жизней.
Умные похоронные процессии тянулись от рабочего по-
селка к кладбищу. Росли нестроганные кресты могил,
прирак смерти вил за небойней колесницей капитализма.

ГРАЖДАНЕ! К ВАМ ОБРАЩАЕМСЯ МЫ, МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ,

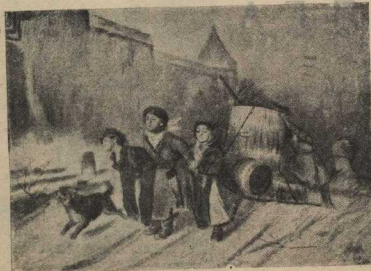
ученики ремесленных мастерских, с горючей просьбой помочь на-
шему делу освобождения от эксплуататоров-хозяев и изгнания пльных
подрастеров...
...Помогите, товарищи, своим молодым товарищам!»

(Обращение уволенного петербургских обранных мастерских ко рабочим)

«Тогда главной задачей была критика буржуазии, разли-
чие в массах нехватки к ней, развитие классового со-
знания, умения сплотить свои силы.»

(Ленин)

Перов.—«Тройка»

ЧИИДВУХЭПОХ

Трипольская галерея

Это умение слышать силы росло с каждым днем. От индивидуального и анархического протеста бунта на рынок переходила к организованному отпору, участвуя в стачках, забастовках.

ГОВОРИТ 12-ЛЕТНИЙ ОРАТОР

«Уже третий день мальчики торгово-промышленных заведений (а в возрасте от 9 до 13 лет) сходится в собрании Общества приказчиков в количестве не менее 500 человек. Председательствует 12-летний мальчик. Он говорит: — Мы, несчастные дети угнетен-

ного пролетариата, прежде всего должны добиваться таких условий труда, которые дали бы нам возможность учиться, иметь время для своего развития, чтобы прийти к социальскому облику»

(Иа газет)

Всплески этих горючих речей добавлялись и в Государственной думе. Они звучали тревожными нотами в выступлениях представителей буржуазии.

«Передо мной «Заря Поволжья» (нашнее на подпольное)... Характерна например последняя страница этого журнала. Вот корреспонденция из Сызраня: «Урвалили минуту свободы, мы, магазинные мальчики, собрались почитать «Зарю Поволжья» и видим, что она проливает свет на нашу жизнь в даст надежду в будущем иметь свободу и нормальную

восемичасовой рабочий день». «Мы радуемся этому хорошему началу и надеемся, что на это общее дело откликнутся во всех странах и оценят три дням задачу. При сем прилагаю слово поощления помощи» 1 рубль. Четверо мальчиков разных магазинов города Сызраня.

Это 12-летние сохили (спих) пишут подобные вещи. (Иа реви Пурьяквача в IV Гас. думе)

Подобные вещи не только писались, но и претворялись в жизнь. Забастовка становится знаменем революционного наступления молодежи, предвестником будущих жестоких схваток.

ОН ПЕЛ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕСНИ...

«Состоялся суд над участниками таганрогской демонстрации. В числе подсудимых: Миндлин—17 лет, Боруков—16 лет, Миндлин—15 лет был впервые арестован как политически неблагонадежный и заключен в одиночной камере. Вторично

был арестован за участие в демонстрации. Сидя в заключении, приказал «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!» — и пел революционные песни.

(Иа газет)

МЫ ПОБЕЖДАМ

«На гильзовой фабрике в Одессе работают преимущественно детишки, есть также дети 10 лет. Получают обыкновенно 8 коп. с тысячи. Заработок пищенский—16 р. 40 коп. Ежедневное положение и грубое обращение заставили девушек забастовать добиваясь улучшения

условий труда. Стачка началась 9 апреля.

Бастовало 40 человек. Стачка продолжалась 2 недели. После дружной и стойкой борьбы работницы добились удовлетворения.

(Иа газет)

СМЕЛЕЕ ВЕРБУЙТЕ МОЛОДЕЖЬ

«... Нужны молодые силы. Я бы советовала прямо распространять на месте тех, кто позволяет себе говорить, что доведет нас. В Росии людей, мысли, наде только шире и смелее, смелее и шире, еще раз и еще раз смелее вербовать мо-

лодежь, не боясь ее. Время военное. Молодежь реинтис исходные борьбы— и студенческая, и еще больше рабочая молодежь.

(Иа письма Лейба к Христову Гаскатуву в 1917 г.)

Музей революции СССР

И. Владимиров.—«Разгром стачечников»

Сергей Иванов—«Бродяга»

ШЛО МОЛОДОЕ ПРОЛЕТАРСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ

«Во время событий 14, 15 и 16 июня 1905 г. на улице выступала подростки-дети. Вот речн тринадцатилетнего подростка:

«Многие говорят, что в движении принимают участие много детей и подростков. Пусть так, разве не хорошо, что мы, дети пролетариата, выступили на борью? Разве нас не выбросит на улицу, когда выйдут на нас все силы? Нам, детям, еще больше угрожает, потому что мы еще больше беззащитны. Нам принимают на фабрике потому, что

нам можно платить дешевле, чем взрослым, а в это время наши взрослые родители сидят без работы. И когда отцы наши выходят на улицу и умирают, мы тоже должны бороться. Будем же бороться, не будем жалеть жизни и добудем политическую свободу, которая освободит нас от бесприявия».

В октябре 1917 г., когда большевиками захвачена власть было поставлено вооруженное восстание для защиты диктатуры советов, Ленин писал:

«Выделить самые революционные элементы (башших учеников) и работу молодежи, а равно (узнавших матерей) в небольшие отряды для занятия ими важней-

ших пунктов и для участия их после, во всех важных операциях».

Победоносное восстание ярко показало, с какой смелостью и самоотверженностью участвовала в нем рабочая молодежь.

БЕЗМУЗТВУ ХРАБРЫХ ПОЕМ МЫ ПЕСИНО...

«Жербунов — член московского коммунистического союза рабочих молодежи «III Интернационал». Пал на октябрьских баррикадах.

После смерти отца все забота о семье легла на плечи 15-летнего мальчика. Он с четкостью вынес все трудности. Несколько раз ему пришлось менять профессию. В поисках заработка Жербунов неоднократно Россия.

Однако жажда учения не попи-

вала его. Между делом, урывками он читал, учился и усерд много.

В дни Октябрьской революции Жербунов исполнил самые разнообразные поручения. Его можно было видеть то в центре с винтовкой в руках, то в районе, занатого какой-нибудь работой. Он явился в бой и вместе с Барбошиным ушел из района, чтобы принять участие в борье. При штурме здания государственная от одного выстрела погиб быт.

ТВЕРДЫНИ РУССКОГО ЦАРИЗМА ПАЛИ.

(Манифест российской социал-демократической рабочей партии)

„ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НИЗЛОЖЕНО“.

(Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов)

Революция не кончилась восстанием, она началась.

На протяжении пяти лет идет гражданская война. И здесь рабочая молодежь, комсомольцы, составившие добрую половину Красной гвардии, Красной армии, на всем

«... Протокол № 16 общего собрания членов подрайонной организации РКСМ при ГЭС «Электропередача» от 13/IV 1919 г.

Ситуация:

Мобилизация членов РКСМ.

Образец того, насколько просто было дозволено на фронт, показывает этот документ:

«В районный комитет РКСМ Социалистического района.

Знаменце от т. Смирнова.

Настоящим проваю откомандировать

гражданевин боев за советскую власть доказали, что они способны не только на короткие всплески, но и на долгую, упорную, полную лишений борьбу.

Вот выписка из протокола:

Постановили:
Заслушав доклад т. Рубина, собрание постановило: всех членов РКСМ от 16 лет считать мобилизуемыми. Все мобилизуемые подлежат в распоряжение мобилизационной тройки.

Ить меня на Западный фронт.
т. товарищеский браток
Ник. Смирнов,
12/VI 1920 г.»

КОМСОМОЛЬЦЫ НЕ БОЯТСЯ СМЕРТИ

«Рина Енина. Комсомолка из Орши. В дни боев она ушла санитаркой на козачковский фронт. Отличилась. Ее перевели на южный фронт военкомом.

Ее часть вела бой с махновцами. Во время одной из схваток ее взяли в плен.

— Перевели к нам на работу в штаб, — заявил махновский начальник, — рассказы, где находится штаб красных.

Рина ответила:

— Нет.

— Тогда ты будешь убита.

Она сподобно заявила:
— Комсомолцы не боятся смерти.

Ее начали пытать. Она молчала. Ее всю изуродовали, и к концу пытки она наполнила окровавленный кусок мяса.

На дворе помещеника комитета Лефортовского района висел замок. Над ним была приколота записка:

«Рамок закрыт. Все ушли на фронт».

Под воздействием партии нашей ты ведишь за собой волки

Молодежь, угнанная, пониншея, что такое большевизм.

(Бельскиецкий)

МИСТЕР ХОЛМС НЕ УМЕЛ.

«Когда специалист по вангаркам мистер Холмс впервые получил на обучение этих ребят, он решил, что несколько дней он понаб, что чего-то в ребятах он не умет. То, на что по-наб, эти ребята ухватывали в дни, и ухватывали подчас с показа, так как Холмс по-русски говорит на мюг.

И Холмс только восхищено разводил руками...
(Лобеданский, «Пизга Гордовичева»)

«Завод—отец, ичейка—дом. Семьяшка—книги, труд, ребята. Мы в комсомолки идем: Стране великой и богатой. Мне радость—брат, а солнце—тез.

Вот поле живани. Я—желездо. И вот вам, вот мое лицо, Лицо рабочего-подростка».

(Бельскиецкий)

МАД ДСАММ СТАТЬ СПЕЦИАЛИСТАМИ ХОЗЯЕВЫМИ ДЕЛА. МАД ПОВЕРНУТЬСЯ ЛИЦОМ К ТЕХНИЧЕСКИМ ЗНАНИЯМ

—СТАВ ЛИН.

ДЕЙНЕКА — Плякат «Обладатели техники»

ФАКТ, СОВЕРШЕННО НЕСЛЫХАННЫЙ

«Буржуазные газеты уверили, что смех в Москве умер... А мы увидели шумные улицы, окантованные зеленью, оживленную веселую толпу, ярко освещенные витрины магазинов.

... Но самое лучшее из того, что мы здесь видели,—это школа ФЭМ, для капиталистических стран факт совершенно неслыханный.

У нас ученики работают по 8 часов под чыканьями и издателями».

«Глази хозяина. Никто не объясняет им процесса работы, спешковку они покупают сами, а зарплату получают такую, что ее еле хватает на еду и на дорогу. У нас же ученики работают от 4 до 6 часов, их материальски учат специальности, они получают отпуск 1—1½—2 месяца, мы даем восьмичасовую работу, технические знания. Все они заняты общественной работой».

(Дальше Ано 3 рабочий из Парижа)

«...Для кого завод—и семья и радость. Будниченько будниченько к чему не падо.

Утром строило встает от тузана мой родной завод «Динамо»...

(Степов — молодой ударник-поэт, завод «Динамо»)

«Наша молодежь — в цегия, ваша молодежь — в распаше».

(Ведла Завуваева, бывший член союза, исключенный из организации за работу в СССР)

ДА, ЭТО БЛЕСТЯЩИЙ ПРИМЕР МАЛЕНЬКОЕ СЛОВО, ТВОРИВШЕЕ ЧУДЕСА

Утром комсомолцы получили подмогу. Ударник Куницкий привел десять свердловщиков.

— 300 лар в смелу—договорите мени,—грозил Куницкий.

— Договори,—отмылились клепальщики.

Штурм похлестывал ударников. Куницкий далал 300 лар в смелу. Шнейдер не отставая, вгонял туда 300 запелков. За Шнейдером тивуляси Дилинги, за Дилингами—Игнамов. Куницкий нежмел и далал

400 лар, Шнейдер гнал туда 400 запелков.

20 августа сборщик Власов привез мастеру Богатяреву чертежи. Власов сласал то, перед чем тешно-лодали голову спецнаписти. Он приспособил простую лоплолку под двухручную и сласал возможным односторонний ход и сорвал и клепки.

Штури гнал и похлестывал работу. Моталшки были не односторонней.

(Бельскиецкий бывал не односторонней)

«Все, что наше — твою, комсомол. Ты подрост, ты окреп, ты расцвете».

Ты вращавшея в жизнь страны повсюком фабричной войны.

Третьеювская советская

ИОГАНСОН — Рабфак идет

16 августа. 6 ударников в бригаде Ульского поставили мировой рекорд арматурных работ: они за 6 часов установили 13.500 кг. арматуры.

17 августа. 4 ударника бригады Поука побили этот рекорд: 13.500 кг. арматуры были установлены уже за 4 часа.

19 августа. Червошники бригады Куницкого расвертели в сме-

ну по 600 дыр на деревом вахтере комсомольской домы.

22 августа. Такелажник Руденко с большим усовершенствованием механизировал поворот вантового домкрата и сэкономил ежегодной труд 25 рабочих.

29 августа в 13 дней комсомольцы центральной электрической станции закончили монтаж турбины в 12 тысяч кт. Немецкие спецависты давали на монтаж 61 день.

(С. Наринанин)

«Вопрос о том, как выжить в людях, для рабочей молодежи с повестки дня снят. Двери школ, вузов и академий открыты для рабочей молодежи. Де-

ло только за желанием. Каждый из нас, если только пожелает, может стать инженером или профессором».

(Косарев)

СЕНЬКА СТАЛ ИНЖЕНЕРОМ

— Ты что же, стать, всю несущую науку пронюхал?

Тыгыч, ухитрился седеленую Бордуку кулаком, согнул, не мигая, на Семена Платона. Он аидел перед собой, своего подручного по формовочной бригаде—Сеньку и, внимательно шудая глазами его лицо, не находив в нем наружных перемени.

Через годы труда у машины, через бессонные ночи за книгой и строга лаборатория формовщик Сенька стал инженером. И в годах, промелькнувших перед ним, он увидает себя, Тыгыча, Бекшина, Жорова, увидела свой класс, всю страну, слышащую о себе ржачивой и раковины столетия...»

(Ильинский, «Будущая ось»)

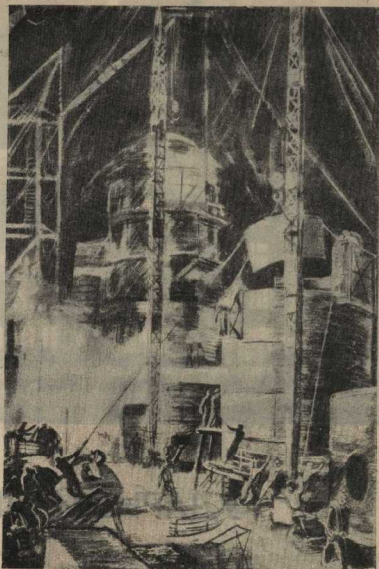
«... Республика наша строится, дымится, Другим странам по его. История —

— пастые гробы, А моя страна — подросток — твори, выдумывай, пробуй».

(Ильинский)

Ученики ФЭЗ завода «Красное Сокомяво» за ремонтом токарного станка

ХВОСТЕНКО — «Магнитогорские»

«ЗДРАВСТВУЙ, ФАРАДДЕЙ»

(Письмо Фарадею)

«Я закончу свое письмо, Фарадей, рассказом об одном из событий последних дней. Ленинский комсомолец, взяв шефство над электрификацией. Миллионы юношей и девушек обязались изучать и давать в практику науку об электричестве. И один из лучших научно-технических институтов страны—Физико-технический, находившийся в городе, названном именем нашего

учителя Ленина, позвал равную молодежь заводов для совместной работы, для помощи. Первые ивечки молодых исследователей начинают появляться на заводах. Им не придется по мудрости совету Пеннса «только мыть склянки» или быть слугами своих профессоров. Они займутся интереснейшими вопросами науки.

(Э. Туншюф, «Ком. правда»)

«Города. Города. Города. Электричество. Нефть. Руды. Ни безавальства. Ни тапсигага Таби. Эскавалов. Мотор. Комбайн. Жесткий доверк. Турбина. Трос. Катериллер. Сохвоха. Колхоз. Встречный план. ФЭЗ. Автодур. Сельмашстрой. Дверестрой.

Рабельшюр Пугилетка. Прабон коммул. Плян. Ударники. Ставь. Чугун. Что же может быть Этого краше? И все это — наше».

(Бельманский)

«МЫ ВСТУПИЛИ В ПЕРИОД СОЦИАЛИЗМА»

«... Ленинский комсомолец и руководимая им рабочая молодежь увеличивают дело соревнования и ударничества революционными успехами. Нужно признать, что наша революционная молодежь сыграла в этом деле исключительную роль... Самое замечательное в социальном состоит в том, что она произ-

водит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из заторного и желого бременя, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма. Ничего подобного нет и не может быть в капиталистических странах...»

(Славин)

Сотнями огней замигнется по вечерам огромное здание Дома культуры

А. КРАСОВ

УДАРНЫЙ ЦЕХ КУЛЬТУРЫ

На берегах омывшей гнидой рекушай Тараховской гай, где стоял каменный домик, руины восточных пролетарских возмужают грядущей московско-парисский дом культуры им. М. Горького.

Построенный по последнему слову большевистской техники. Дом культуры впитал в себя все лучшее, чем только располагает арсенал культурной революции. Главный зал, вмещающий две тысячи человек, является ярким образцом архитектурного искусства. Но своей кубатуре театр Дома не имеет себе равных ни в Ленинграде ни в Москве. Искусство располагает мест повозврат к любому из них одинаково являть и слышать, арокосмос, но своей кубатуре театр Дома не имеет себе равных ни в Ленинграде ни в Москве. Искусство располагает мест повозврат к любому из них одинаково являть и слышать, арокосмос, но своей кубатуре театр Дома не имеет себе равных ни в Ленинграде ни в Москве.

Правильно конструируя зал, театр Дома не имеет себе равных ни в Ленинграде ни в Москве. Искусство располагает мест повозврат к любому из них одинаково являть и слышать, арокосмос, но своей кубатуре театр Дома не имеет себе равных ни в Ленинграде ни в Москве.

По отщипываемым достижениям Московско-парисского дома культуры поднимаются Ленинградские судостроители, краснофлотцы, моряки, лодочники и парнишки, пролетарской культуры.

В стенах заведующего Домом культуры. Перечерского лежит обшита книга «Для детей отзовов и впечатлений». Смененный селен «разнообразных» почерков, смещенный фундаментом почти всех языков мира поражает эта книга. Немцы, французы, китайцы, испанцы, мексиканцы, — все они осматривают Дому.

Когда представитель трудовой жизни приседает кателой Ангилан Г. В. Хоминс осматривает богатейшие библиотеки Дома; когда он узнает, что 224 человека ела управляются с руководством многоочисленных учреждений Дома, когда ему сообщает, что смета Дома культуры в 1922 году выработана почти в 2 млн. рублей, мистер Хоминс смежится покорно записал в книге: «Хорошо... единственное мое впечатление, что бы наши рабочие могли походить этой великой страны пример теоретической работы советских рабочих, чтобы эти акты воплощаются на борьбу за защиту рабочих прав и выжить стройку городской культуры для самих себя».

Латинский шрифт чередуется с кириллицей, русским тут и там корявыми русскими строк — выражение восторга ленинградских школьников; рядом — группа австралийских рабочих бисером латини расказывают об исключительной тяжести положений пролетариата Австралии. Через несколько страниц над знакомой подписью «М. Горький» — кратко, но выразительное пожелание:

«Точно так же как из стальной массы руды рабочие делают швейную иглу, перо для писателя, резец и сложнейшие машины... так же рабочий класс должен создать из плоти своей мастеров и художников культуры».

В сотнях отглаженных прищипов и поглаженных, записанных в книге, представляется тысячи экскурсантов.

II

В «эстетическую» Дома Записки, что «первый год работы» (1922) — характеризуется культурно-эстетическим. Кружки филма, ставили плески и небольшой остаток внимания осуждали массово-пролетарской работе. Количество промузыкальных филмов, театральные постановки было главным мерлом деятельности Дома. В течение первого года работы лишь 47 тысяч человек было охвачено массовыми мероприятиями. Огромные возможности оставались неиспользованными.

Возросшая активность масс, естественно, не могла удовлетворяться «мелкооплачками». Новые, повышенные требования предъявляли рабочие «красного» бутылочка, Сестрой верфы и других предпринят работы к своему культурному центру.

1922 год явился началом крутого поворота Дома культуры лицом к конкретным задачам социалистическо-строительства. В этот великого передела» пути» поставила перед рабочим классом задачу — дать 25 тысяч своих руководителей — перестраивающиеся деятели Московско-парисский дом культуры ориенти на борьбе партии коммунистическими агентами: через свои курсы подготовил на 1.600 «двухдвигательных» — руководители «каждого движения».

1922 год — год начал полетом всей массово-политической работы Дома. В этом году массово-политическими мероприятиями было охва-

чено уже 216.000 рабочих и их семей. В 1920 г. кризис охватил еще резко сократил вперев. В 1921 массовых мероприятий участило около 600 тыс. человек. А за два месяца 1932 г. (не считая работы в цехах заводов) — 2632 тысячи.

В наступивших в первый год коммунат развлекательных многочисленные кружки и курсы. С утра в до вечера в Доме культуры комитет период. Люди самых разнообразных привязаний и специализаций находят здесь удовлетворение своих культурных запросов. В этом году два миллиона двести тысяч человек будет охвачены одним только массовыми мероприятиями. Через один только кабинет — военный, литературный, иностранный, технический и др. — будет пропущено свыше 100 тыс. рабочих.

При Доме уже второй год работает первый в СССР рабочий факультет авиационной культуры, готовящий кадры младших специалистов для воздушного флота. В 1931 г. факультет выделен из Ленинградского 40 мотористов и 16 фотографов-лаборантов. В этом году он выпустил 150 человек. Работаящий четвертый год авиационный университет для рабочих — сотни вовлеченных безбоязненно, старательных организаторов, на научной основе борются с религиозными дурманом. Сотни воспитанников Дома — культуры, пользовавшиеся образцовым консультационным пунктом, участв в кружках и группах Ленинграда. 10 тысяч человек пройдут через пункт в этом году.

«Большинство должны овладеть техникой. Овладевший техникой планирования и финансирования хозяйства, техникой производства сырьевых товаров, маломощных турбин и электродвигателей, производств — так первые рабочие города Ленина лозунг выдвинул на язык коммунистических деятелей. Московско-парисский дом культуры встал в первые месяцы своего существования перед задачей — обеспечить условия для работы по овладению техникой. Богатейшая техническая библиотека, технический кабинет предоставляется в распоряжение рабочих-ударников. Рабочие курсы иностранных языков с техническим разделом, 32 фотографических участка и специализированное организационное кружки, 24 бригадиров-корректировщиков бригад через специализированные курсы овладевают «секретами» химико- и бригадиров-планировщиков. Газетно-редакционная форма технической учебы позволяет охватить самые различные по уровню знаний группы рабочих. Через

специально оборудованную «комнату технических головоломок» приходится любовь к техническим наукам.

III

В цепи производственного процесса заводов Нарского района видное аено составляет Дом культуры. От конвейера «Красного путиловца», со стальной Северной верфи, от лебедок зав. им. Кирова тянутся нити в кабинеты и залы Дома культуры.

Цифры победы в борьбе за промфинплан, за экономичность и независимость. С оюза прежде, чем попасть в официальные таблицы, непременно проходят через многочисленные комитеты Дома. Слет кочегаров, слет хозрасчетчиков, технический бой токарей, собрание заводо-поставщиков оборудования для ж.д. транспорта... Сотни массовых мероприятий проведены Домом культуры для обеспечения победы на производственном фронте.

В одао прекрасное время рабочих «Красного путиловца» Федоров (рабочий № 29688) получил фотографическую открытку. На открытке: за столом не кто иной как сам Федоров, обивший бутылку с надписью «40%». В этот же день в кесе повисла точная копия открытки — предмет остроумных замечаний рабочих. Подобную же карточку «на память» получила рабочий Шестовас с факрики «Равностиа и ми. др. Это — одна из десятков форм репрезентальной борьбы с прогирами, но без успеха примененная Домом культуры.

Отромную работу провел Дом культуры в первом полугодии IX съезду профсоюзов. Массовыми политическими мероприятиями

Главный фасад Дома культуры

охлаждено около 40 тыс. рабочих. Спешне 1.000 рабочих предложено на преобразование Ленинграда в образовый социалистический город, собраны при активной содействи Домом культуры 347 новых ударных, 976 новых хозрасчетных бригад передано в подарок II областному съезду профсоюзов. 12 тысяч членов профсоюзов, сдавших по лыжам нормы на занок «ГО», получили в этом реальную помощь и руководство Дома культуры. Умение строго сочетать культурную работу с насущными задачами хозяйственного строительства, умение подчинить каждое малейшее мероприятие сложнейшим задачам, выдвигаемым партией, — черта, выгодно отличающая Московско-Нарский дом культуры от многих других культурных учреждений.

IV

Организация культурного отдыха, борьба за здоровый рабочий быт, за реализацию укааний т. Сталина составляют одну из главных сторон работы Дома. В этом году Дом культуры развернул большую работу по организации коллективного отдыха. Проведенные экскурсии в музей, за город дали прекрасные результаты. Об этом лучше всего говорит отзывы самих рабочих. Вот несколько ответов на вопрос: «Каково твое мнение о проведенном вчера выезде за город?»

Мастер т. Богданов: «Раньше не имел никакого культурного отдыха. Этот выеходный день провел великолепно».

Домохозяйка т. Михалева: «Раньше — очень плохо. Сегодня — очень хорошо».

Работница т. Богданова: «Первый раз именно сейчас пользоваться таким отдыхом».

Непрерывно функционирующая детская комната утром обслуживает детей дом. хозяйек соседних яектов, вечером — детей рабочих, приходящих в Дом культуры на собрания».

В озакончении рабочих с последними достижениями науки огромную роль сыграл содговор, заключенный между Домом и Акад. инсти. Вуз. Краснопутловцев уже проведен ряд экскурсий по учреждениям Академии.

Профессора и академики охотно приходят на рабочие собрания с научными докладами. «Страна Академии наук при Доме организована интересная выставка «Японские события». Рабочие с большим интересом знакомятся через выставку с положением трудящихся Китая. Факты о проданных в рабство 400 тысяч китайцев, о 60 процентах промышленных рабочих, выброшенных на улицу — эти факты, ярко поданные на выставке, еще рельефнее подчеркивают преимущественное положение советского рабочего, создавшего и оставившего себе на слабую такую гигантский цех культуры, каким является Московско-Нарский дворец.

V

Дом культуры — это величайшее завоевание интересных рабочих. В многочисленных кабинетах Дома воспитались сотни proletариев с «Красного путиловца», Северной верфи и других предприятий района. Теснейший зав. зав. Домом т. Садкович, зав. хозяйством строительства Дома технической учебы т. Хазаев, студент Комкадемии т. Курловин, студент-инженер — профинженерства т. Цветков и сотни других активных производственников прошли полный курс учебы и воспитания в Доме культуры. В истинное время 200 рабочих, составляющих основную массу актива Дома культуры, пришли на смену активистам, ушедшим на руководящую работу.

Дом культуры — прекрасная лаборатория по передаче человеческой природы. В этом — его главная заслуга.

Такие фотооткрытки «на память» посылал Дом культуры злотным прогульщикам

Такие фотооткрытки «на память» посылал Дом культуры злотным прогульщикам

ЕВГ. ДОЛМАТОВСКИЙ

КОНЕЦ ДВОРА

Дышит в око, старя и старя,
Темная ночь жегот двора.
Тополь стоит во дворе в углу,
Безысходно, словно горе,
Проступает сквозь тишину и мглу
«Иерусалимское подворье».
Старый забор, который пням,
Душные горы помойных ям,
Всекие коньки, серые ножи,
Насьная трава лямовое плочище,
Все это к горлу подходит комом,
Все это мне наизусть знакомо.
Здесь дети бегали проростая,
Они играли, как катюфелы в подале,
Они взрослея. Я помню: пням,
В боинские-немке выходит Гужбайн.
С ним рядом идет званная подура
Она про себя напевает под ругань,
Они нам авет обходят по кругу,
Их губы в подоловонной шееше.
И я узнаю в нем старого друга

И рад бы не верить такой чепухе,
Но все-таки верно. Мы были друзьями,
Сидели мы в помойной яме,
Мечтали о будущих звонких годах
И задали вместе на пыльный чердак.
Какие нам отаривались просторы!
Соседия дом — большой, узколоворый,
Котыши, как люди, плече к плечу,
И там, плущий из черных лагуток
Но и не оставал телеском комьям...
И детство уходит в рыдк комсомолом.

Тени двора бессильно грезятся
Гужбайну, кто ходит в спяночке фазанца.
Я встретил случайно Гужбайна вчера.
Он кончал учебу, он стал провработом,
Мы вспоминали пресветле вестер,
И он мне сказал: «Ты знаешь, пора бы
Разрушить наш дом и построить вновь,
И это будет исполнено мной».

Я скоро приеду с бригадой рабочих,
Мы двор измерим, расчистим и кончим
Товарищ Гужбайн! Я прошу об одном:
Когда ты приедешь разрушить дом,
Если нехватит мне сил/поэта,
Дай мне в руки тяжелый дом,
Чтоб мог я крепко ударить по этим
Сырым кирпичам...
И в конце пятилетия
Здесь будут играть красноречные дети
Здесь будет солнце сиять и стекле,
Мне жаль, что детство мое истекло,
Мне жаль, что не может оно повториться
в зеленой, истрошенной, новой столице.
Там пролетит булыг гудя дара,
Темная ночь моего двора.
Рассвет наступает, как переворот,
Двор падает в темень, в века,
И вот слышно у самых ворот
Гуденье грузовиков.

Семья безработного

От побегушек — к социалистическому труду

Из книги «От побегушек — к социалистическому труду», выходящей в ближайшее время в издательстве «Молодой гвардии».

Книга в форме переписки фабзавучника Феди со старим рабочим слесарем Иваном Егорычем показывает разницу между производственным обучением до и после Октябрья. Книга построена на материале школ ФЭУ Москвы и истории завода «Буровая техника».

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Дорогой Иван Егорыч!
Скажу прямо — обиделся я на тебя. Обиделся не то, что не ответил ты на мое последнее письмо. Неужели, Иван Егорыч, думаешь переписку шашу прервать? Обидно будет.

Многие наши фабзавушники, которым я давал твои письма читать, очень ими заинтересовались.

Во, говорят, как раньше учили, совсем не как сейчас.

Думал, Иван Егорыч, временно ты задержал ответ. Переписка наша опять наладится.

В прошлом письме, своем ты, Иван Егорыч, просил, чтобы я тебе о своем материальном положении рассказал немного.

Вот и пишу про это.

Материальное мое положение достаточное. Получаю 31 руб. в месяц, скоро на 48 перехожу. По успеваемости — разряд повышают. Да что же мне — на волю, на шатание шныре тринтаться? Деньги все на разные серьезные расходы расходуя.

Я тебе сейчас свой день опишу и в виде параллельной линии, что ли, расскажу, куда девается деньги.

Живем мы в фабзавучном общежитии. В нашей комнате — 6 кроватей с упругими пружинными матрацами. Большой стол у двух окон на улице. Два шкафа. В одном — книги и канцелярия всякая, в другом — плащ, кожанки, брюки висят.

В шесть утра встаем. Я-то в деревню ни свет ни заря вскакиваю привык. Тут всрочники, когда на шиферблате часов стрелки обходятся и «сплоное шестое», и начнется голосить: «Всем вставать... всем вставать... всем вставать!»

С далекой радиостанции боевой инструктор передает четкую команду. И шесть ребит (кто пофизкультурные — в трусах, а кто просто, подомашнему — в кальсонах) до лично разводит руки в стороны, то с хрустом приседают, то только вытягиваются для прыжка. Один паренек Толька Владыкин с подьемом всегда запаздывал. Мы его как-то и стеганые прохлантили: «Вставать не хочешь он никак!»... Как хорошо весь день валяться.

И скоро он, Владыкин Толька, — Не Толькой — сонер будет завывать. На седьмой день ровно в шесть часов десять минут, он вместе со всеми закидывал обе руки за голову и с сильным выдыханием ошуканная вина, будто бы раздробил несуществующий.

Дежурный притащил кинжток; за нашим универсальным столом, который то обделенный, то письменный, то читальный, то шахматный, — хлещет упрямый, кобыла, острое консервы на перид. Весь горюхи от чая. Работать! Бежим на улицу и после непродолжительного боя руками и ногами бьёмся в траву. Досаждаешь до красного трехэтажного коруся. Больные окна, высокие потолки, желтоватые белые стены...

Обедаем мы в большой заводской столовой. Сидеть надо втроем, Иван Егорыч, что первое время, как я пришел на завод, столовой похвастаться нечем было.

Длинные деревянные столы, ничем не покрытые, огромные очереди в кафе — за первым, за вторым, за вышкой, за лодкой.

Было так называемое самообслуживание. Только было пойдешь в столовую — и приколдился тебе манерничать в толде, приколдился черт очереди и старался не задеть бегущих и несущих суп ребит. Ты себя идешь спокойно, вдруг сбоку налетает какой-нибудь есаустивец, усевший получить борщ и еда ускоривший горячую тарелку в руках, валетает на тебя, обливает борщом и, ругаясь, бежит дальше искать место.

Обед невкусный. На паросе — бурда, на споро — рыба соленья. А посуда все грязная, на вышках слой жира за 3 месяца накопился. Буфет пустой — кроме широких ниш ничего нет. К заводскому придесть — он лаетеся, «за харалес», — говорит, — когидите, еще не то будет».

Рабочие и мы, фабзавушники, терпеть не могли столовую. Засыкая туда, в очереди постоить и парочку сворте удрать.

Травя, смрад, ругань, накурено. В общем похололо, Иван Егорыч. Но вот партиявая чейка заводу вилась за это дело и решила сделать на заводе образцовую столовую. Очень многие ссылались над этии. Из нашего, говорят, «каба-

Твердой рукой Иван Егорыч включает ток

ка» до образцовую столовую — да ничего не выйдет!

Однако жизнь приняла решение. Занком поручил провести ряд мероприятий и нам, комсомольцам, заданый множество даян и установок: «Хорошее общественное питание — одно из условий выполнения производственных заданий за работу» — как раз бригадиром фабзавучной бригады по столовой был.

Прежде всего руководство сменили. Вместо своих выдвинувшие поставили, а во главе партияку, комсомольцу Марию Степановну, и в помощь ей — комсомольца молотобойца Филопонова.

Тут дело и пошло. Сменили плохих поваров, поставили хороших и им жалованье прибавили, перешили на сделывую, чтобы они в хороших обедах заинтересованы были.

Обеды, которые раньше в термосах нам поили, оттого они оставали, теперь у нас в заводе готовятся. А фабрика-кухня только заготовку присылает. Чистоту завели, порядок. И в разное время ешь, по вкусу.

Теперь зашел бы ты, Иван Егорыч, в столовую и увидишь бы. Длинные столы вместо входу стоюнки на 4 человека.

На столках скатерти белые, а на скатертях цветы, вышитые газетку, журнальчик. А в любитель, Толька Фамилия у него неистязная. Речь он замечательную, такую занюханую произнес. Говорит ты, фабзавучник, подрастившие кадры социалистической промышленности, должны быть активными участниками культурной революции, значит активными строителями пролетарской литературы. Призывал он нас дажея явля посылать, прогуляшко, лодьеры, классовых врагов стихами.

Тут призыв ударников в литературу объявил. К нам в фабзавуч один паренек литературный привезал. Не то поэт, не то писатель какой-то. Толька Фамилия у него неистязная. Речь он замечательную, такую занюханую произнес. Говорит ты, фабзавучник, подрастившие кадры социалистической промышленности, должны быть активными участниками культурной революции, значит активными строителями пролетарской литературы. Призывал он нас дажея явля посылать, прогуляшко, лодьеры, классовых врагов стихами.

Тут призыв ударников в литературу объявил. К нам в фабзавуч один паренек литературный привезал. Не то поэт, не то писатель какой-то. Толька Фамилия у него неистязная. Речь он замечательную, такую занюханую произнес. Говорит ты, фабзавучник, подрастившие кадры социалистической промышленности, должны быть активными участниками культурной революции, значит активными строителями пролетарской литературы. Призывал он нас дажея явля посылать, прогуляшко, лодьеры, классовых врагов стихами.

Тут призыв ударников в литературу объявил. К нам в фабзавуч один паренек литературный привезал. Не то поэт, не то писатель какой-то. Толька Фамилия у него неистязная. Речь он замечательную, такую занюханую произнес. Говорит ты, фабзавучник, подрастившие кадры социалистической промышленности, должны быть активными участниками культурной революции, значит активными строителями пролетарской литературы. Призывал он нас дажея явля посылать, прогуляшко, лодьеры, классовых врагов стихами.

Тут призыв ударников в литературу объявил. К нам в фабзавуч один паренек литературный привезал. Не то поэт, не то писатель какой-то. Толька Фамилия у него неистязная. Речь он замечательную, такую занюханую произнес. Говорит ты, фабзавучник, подрастившие кадры социалистической промышленности, должны быть активными участниками культурной революции, значит активными строителями пролетарской литературы. Призывал он нас дажея явля посылать, прогуляшко, лодьеры, классовых врагов стихами.

Тут призыв ударников в литературу объявил. К нам в фабзавуч один паренек литературный привезал. Не то поэт, не то писатель какой-то. Толька Фамилия у него неистязная. Речь он замечательную, такую занюханую произнес. Говорит ты, фабзавучник, подрастившие кадры социалистической промышленности, должны быть активными участниками культурной революции, значит активными строителями пролетарской литературы. Призывал он нас дажея явля посылать, прогуляшко, лодьеры, классовых врагов стихами.

Старый цех завода Виноградова встречал тусклыми окнами и облупленными от сырости стенами

вита, лучших ударников стихами, воспевать. Я-то дачники до юката, ну, думаю, как овладеем станком,—почему переро не овладеть...

Сначала necessarily отнесся и в день по произведению зашипарить стал. Обо всем писал, что в голову ни приходило.

То о любви, то о деревне, о заводе, о комсомольцах и мимолетно о другом. Собрал все стихи, принес их на кружок, прочитал. Тут ребята и начали крыть. И за то, что торжилось, не отделяю стихов, и за то, что пишу о вещах, о которых никогда не знаю, и за отсутствие работы над собой. Рифмы мои отдалены были и показывают, что они и на рифму-то близко не подошли. Руководитель ревел, поддержал. Сначала очень мне обидно было. Так обидно, что заплакать и хотеть и с кружка уйти. А потом, когда подумал, понял—дело ребята говорит. Не только над железом, но и над стихами работать надо. И взялся в свободное время работать и читать.

В деревне мы только старых поэтов читали, да и то не всех.

Теперь я много стихов прочел, и больше всего нравится мне Лермонтов, хотя у него очень много непонятного и суеверий масса. Трудно даже поверить, что такой образованный человек и я и бога верил. Потом Некрасов очень мне нравится.

Когда я твоё письмо прочел, насчет того, как тебя в город отправляли, и подумал, что ведь тыши и десятки тысяч ребят гнали на деревни худые и помещик—вспомнил и очень хорошее и, по-моему, правильное стихотворение Некрасова «Железная дорога».

«В мире есть царь,
Этот царь беспощаден—
Голод называет еху,
Водит он армии,
Правит судами,
В артели стонает людей.
Ходит за платком,
Стоит за плечами
Комеотосов, ткачей».

Ведь верно, Иван Егорыч, у нас голод правды, а голод держала и направляла помещики и капиталисты. А у нас все по-другому—никакого голода и в помине нет. Все зависит от сознательности рабочих, на их воле к победе.

Очень хорошо про наше советское комсомольское бытие пишет поэт Безыменский.

И даже много наузист знаю.

Вот после того, как я прочел стихи наших советских поэтов, я сам маленькую так пишу. Писну и теперь только о знакомых вещах, чтобы опять конфуз не было.

Вот стихотворение, которое я для фабзавуча стенигазеты написал о нашей экскурсии по заводу:

«В дух вошла фабзавучка статора,
Шла экскурсия,
Глядела все насвое,
И в руках у каждого бумага,
И в голове у каждого вопрос.
Вы ступайте в турбину науз,
Тренируйте мозги и руки,
Технологией и химией и русским,
Математикой, немецким и трудом,
Комсомольской
И общестественной наузрботой,
Чтоб хозяйном работать.
За станком.
Прокладите, Отвоярем выходов,
В шум. В учебку, Стесарей растить.
Никогда в фабзавуче не тикю,
Никогда фабзавуча не грустить».

Утомил я тебя, Иван Егорыч. Совершенно естественно. Все же, Иван Егорыч, нужно тебе обязательно свое мнение об этой стихе сказать. Как он тебе нравится? В следующей письме обязательно напиши.

Должен тебе сознаться, Иван Егорыч, что тут недавно заболеть пришлось. Поехал я на лыжах с ребятами и в выходной день кататься. Ехали мы далеко, да видный вид, снег я по лыжной части неважный, а отставать от ребят нехотел.

Они стали с горы спускаться, а я за ними. Только вехах, запятался—и одной лыжей и ступой Но она на две части и разлетелся. Пришлось мне в одном свитере бежать с лыжами на цеплях.

Когда на лыжах идешь—тело, а когда лыжи на тебе—холодновато. Ну, я и протыл.

Назавтра—адр. Перенузался я, Иван Егорыч, думаю: как быть? Один, холмный, беспись в чужой городе. Но ребята быстро сообразили и пошли к врачу. Врач пришел, посмотрел, видит, что уходит за мной нет, все ре-

бята уходят днем на работу. Вызвал карету, и меня на машине свезли в больницу. Я там 6 дней пролежал.

Лежать—ничего. Кормил очень хорошо. Чисто так. Сестры и няни обходительные. Ребята через день приходят—навещают.

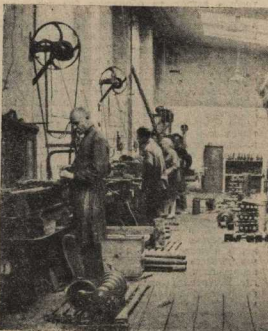
А все же я доволен был, когда выписали меня. Неприятно смотреть на людей, которые мучаются в больнице от разных болячек.

Вообще, Иван Егорыч, неплохо у нас, по-моему, дело veramente поставлено. Начиная с профотбора и кончая всей работой в фабзавуче, все время установлен крепкий врачебный контроль. За здоровьем ребят, за чистотой, за вентиляцией следят. Самых малопроных и сла-

Федя внимательно выслушивает своего инструктора, опытного производственника

бых ребят дополнительно можно кормит. Если себя чувствуешь нездорово, прямо к доктору в кабинет беги—он не только больное определит и порошки пропишет, но и тебе подробно объяснит, что за болезнь, отчего она происходит и как от нее уберечься.

Новый токарный цех завода «Буровая техника» (б. Виноградова) встречает простором и светом

Вместе я из больницы—получил свою по болезни книжечку. Вообще с делами у меня дело обстоит хорошо. Получаю и мели 31 руб. Кажется, очень мало. Но на самом деле хватает. Обещание бесплатно, трамвай тоже за счет завода. Делать стоит 15 рублей и проезд.

На завтрак и ужин продукты получают в своем ЗРК по десным ценам. Немного денег остается и на книги, одежде, кино.

Ложимся спать не поздно— 11—12 час. Подмакусы—и набокочую. Тепло, чисто, дружно живет наша шестерка будущих стесарей. Не так вам яилось наверное, Иван Егорыч.

Оста узнать о вашей формальной жизни— в каких условиях жили, как питались, как болезни переносили?

У тебя, Иван Егорыч, много советливаний важных дел, а я тебя в прошлом кляпаться заставляю.

Ничего, думаю, оглушусь на прошлое,—крепче в настоящем работать буду.

Горький придет тебе.
Твой ученик Федя.
Привиска.

И Е., совсем много забыл о самой важном написать. Я тут с фабзавучной бригадой на неделю в подмосковный совхоз ездит на заготовку овощей.

Мы не только овощи заготавливаем, но и красивый уголок организуем, пионерский отряд из 20 ребятников, сколотили, и вечно комсомолу работу немного надолжили, бесприютному молодцу в комсомол вовлекли. Комсомольской ударной бригадой создали. Надолжили красной любви к Москве и в Сокольщинский район привезли.

Там, в Кругу Сокольщинском, торжественно рабочим организациям слава.

За ударную работу райпо наградили фабзавучную работу учебной литературой и ширпотребом.

Так-то, Иван Егорыч. Пиши. Федя.

ОТВЕТ ИВАНА ЕГОРЫЧА

Привет личному фабзавучу Федя!

Когда и прочел твоё последнее письмо, где ты пишешь о своих материальных условиях, и я вспомнил о своем учении, то разницу а почувствовал поистине огромную.

Дался друг от друга наши с тобой впечатления о первых комсомольских днях, большая разница в производственном обучении, но ничего, пожалуй, нет такой ошутливой разницы между мной и твоим ученичеством, как в латифальном-бытовом условиях.

Ведь если советское правительство заботится не только об учебе учеников, но и о здоровом питании, умножении быта и о создании здоровой сознательной смены, то царское правительство и фабриканты несли лишь дельное действие труда, заменяющего более дорогой мушкетерского труда, голова ребят затуманивался полами и прочей братией, чтобы они не понесли хитрости капиталистического обмана.

Начну с нашего жилища. Вы сейчас живете в фабзавучном общежитии, светлом и просторном. Мы жили несколько иначе. Для того, что-

са — нет его. Спрашиваю меня, а я на знаю. Виноградов, не интересуясь подробностями, так два раза меня ударил кулаком по лицу, что я свалился с ног и по лицу покатился неопределенного цвета задымка, состоящая из крови, грязи, слезы и слез. Минуты три я никак не мог притти к себе. Растирая по лицу кровь со слезами и грязью, я старался привыкнуть к работе, но как ушел Виноградов — тотчас же бросился в уборную и наизерно с позачис горько плакал над своей ученической долей. Остальной день проходила весь в слезе и гонке. Работал дежурные до 10 час. С половинного утра и до 10 вечера — 16½ часов напряженной работы, и это весь ребята 12—13 лет. Так работала целую неделю. Незуменно, что здесь легко свалиться. И сваливался ребята. А болеть тогда не дай бог. Со всем не так, как описываешь ты свою болезнь.

Просынешься утром, ежешь плохо себя чувствуешь, но ссаи можешь ходить, все равно идешь на работу. На работе подчас тебя качает, круги идут перед глазами и все горит, но работаешь, пока не свалишься. А ежешь свалившись, лежишь один в холодном и сыром подвале. Ребята придут завтракать, обедать — помогут, накормят, а 11 часов в день лежишь, как умирающая собака у плохого хозяина. Тяжело было болеть: страмилась не было, но время болели ничего не получал. Врачи на дом тоже ходили только к тем, кто мог грешницу или потерку отдать. А о нашем брате, рабочем, особенно беспокоились. Одним меньше будет, только и всего.

Отпусков за счет завода не полагалось. Отпускали нас на рождество на 2 недели и на пасху на 2 недели. Но отпускали за свой счет. Для нас, ребят, это было очень невыгодно, и многие из нас с удовольствием оставались бы в Москве. Однако Виноградов прекращал давать харчи, и — хохь не хохь — приходилось ехать.

Надо тебе сказать, что вообще мы получали нищенскую зарплату. Первые 2 года платили по 2 рубля, дальше прибавляли по успехам, но вые 5—6 рублей платили редко. Выходил из учеников, а лично сразу получал от Виноградова 2 рубля в день. Ты видишь, какая огромная разница была между учеником и даже молодым рабочим в оплате.

То, что получали за вычетом кусушек селарю да редких калачей в праздник, цедиком уходило на обувь и одежду. И то мы всегда ходили грязными, так как работали в своей одежде, никакой спецовки тогда и в помине не было.

Когда выходили на улицу, то все соседи уже знали. Говорят: «Виноградовская золотая рота идет».

Жаловаться на хозяина было бесполезно. Некоторые люди, которые весь мир через розовые очки видели, ходили к инспектору труда. Инспектор труда всех ласково принимал, обещал зайти на завод. Неделю через 2 приходил такой толстый господин в форменной фуражке на завод, заходит к Виноградову и останавливается там на вечер. Если после этого прихо-

Здесь, в темном и сыром подвале, где сейчас помещается углубная яма, жили до революции рабочие заводчика Виноградова

Теперь рабочий б. завода Виноградова (ныне «Буровая техника») имеет отдельную светлую и просторную квартиру

длив спрашивать ответа у него, он авторитетно говорил: «Виноградов отрицает, и у него был. Он очень достойный господин, и я ему верю, но не беспокойтесь, ваше заявление я еще раз проверю». И проверка по году, по два. Поэтому и получалось, что несмотря на то, что даже царское правительство издало закон, где запрещало применение труда детей до 14 лет в промышленности и ограничивало труд подростков до 16 лет 9 часами, и самой Москве за пару кварталов от инспектора труда 12-летние ребята работали по 11 часов, а в дежурство даже по 15—16 часов.

Да, Федя, не было, пожалуй, тяжелее положения, чем жизнь учеников до революции. Наелось, что ты и дальше будешь писать мне. Твои впечатления мне очень интересны. Только сравнивая их со своим, и аважу, какой скачок вперед мы сделали за эти годы в условиях труда и учебы молодежи.

Ты просишь сообщить свое мнение насчет твоих стихов. Скажу тебе, Федя, правду. Не приходилось мне вообще стихов много читать, так что мало я в них понимаю.

Но кажется стихи хорошие — складные. Понимая и дальше. Интересно. Отцу волна в ладох придет. Напиши ему, что очень рад, что он стал колхозником.

Есть, Федя, у меня к тебе просьба. Сходи на завод «Буровая техника», бывший Виноградова, осмотри его подробно и напиши мне. Хоть я давно я ушел с него, но все-таки привязан к заводу, на котором вырос.

Крепко руку твоей руку.
Любший тебя Иван Егорыч.

МЫ ЗАПИСАЛИ РАБОЧЕГО

Плохойкин, Марин Станиславович — старший польский рабочий-большевик, член партии с 1899 г. Деидеализирован в 1918 г. в связи с работой на приводе активное участие в первой забастовке булочников в Варшаве. С этих лет по 1917 г. на революционной работе среди польских рабочих он несколько раз подвергался арестам, тюремным заключениям и ссылкам. С 1918 года он находится и работает в Москве в Обществе старых большевиков.

Мы досматриваем отрывок из книги его воспоминаний, посвященной польское рабочее движение двадцатых годов.

Н. С. Плохойкин

Мой отец, обремененный многочисленной семьей, решил отдать меня и моего младшего брата в учение. С этой целью в июне 1893 г. он гривез нас в Варшуву.

Тогда в только пшавка. Это было мое вступление в жизнь. Казенный санитарный врач, под надзором которого находилась наша пекарня, никогда не заглядывал ни в нашу квартиру, ни в пекарню, но зато очень тщательно обследовал конюшню и мучную фабрику и уходил всегда в хорошем настроении.

Новая работа обычно начиналась в 5 час. вечера и продолжалась до часу ночи, двенадцать с 5 час. утра до 12—14 час. дня. Таким образом рабочий день составлял 15—16 часов. Хари были хорошие и обильные. Рабочий получал вакуно-инюбд зелень, суп и фунт мяса, мальчик — то же самое, но мста пшавка.

Но работа была очень тяжелая и скучная, все делалось руками. Самая тяжелая работа состояла в приговозке теста. Например в пекарню доставлялось обычно 25—28 ведер пшавки и вымывалось от 8 до 10 пятипудовых мешков муки, и такую массу перерабатывали в тесто лишь трое или двое более людей.

Рабочие делились на мастеров и помощников. Мастера получали жалование от 18 до 28 руб. в месяц, помощники — от 12 до 14 руб., рабочие некавалифицированные — от 6 до 7 руб. в месяц. Мальчик-ученики получали только натуральную пищу, одежду, обувь, и заработку не получали. Фартур надвасял прямо на голыеเท้า, белье носили только в очень сильные холода. Фартур был так широк, что для в него заворачивались, как в рубашку, и спинали зимой когда он рванул. Тогда приходилось его склеивать тестом.

Работа во всех христианских пекарнях производилась круглыми год в двухдневных переменах на рождество и пасху. Но воскресный и праздничный дни работали так же, как и в будни, а часто и дольше.

Те, которые месили, следили за тем, чтобы выдавались мелкий товар, то следили за качеством, следили, чтобы был совсем переставали работать. Тогда рабочие, ответственные за данную работу, поскольку сам не следи, будили их руганью, обмалит водой.

За убток при такой работе хозяин ругал рабочих, вычислял за заработку или пропавшую работу, бил. Впрочем, мальчики были по любому поводу и без всякого повода. Били, били на работу, так как не могли не нести выполненную работу, бил за курение пшавросе даже в уборной, за протест против постоянных оскорблений, бил, чтобы подчеркнуть разницу между мальчиком-учеником и господином подмастерьем.

Большинство пекарей были горькими пьяницами, и по крайней мере половина их постоянно или временно болела разными болезнями и не могла ходить. Пекарня развалилась только в кабаке или в публичном доме.

Большинство пекарей, которых я застал и с которыми встречался потом, были грамотны и искали новую выписали газету «Фаршавский курьер». Старые пекари добивались говорить о политике и очень интересовались громким тогда лианским делом и войной в Китае. Правда, они не совсем ориентировались в смысле политической обстановки. Слава и Панамский перешек. Тут мне очень пригодился некоторые географические сведения, полученные мною

дома, и я объяснял, где находится эти страны, куда достиг известного удачлики к себе. Этою однако не мешало мне показать свою порцию пшавки и ругани. Зато от старых пекарей я впервые услышал о галицийской резне 48-го года, когда слышал резань деревенной пшавки, о Паршавской коммуне, когда пшавком говолил о работе и кормили красным, о том, что в Польше существовала партия «Прометариат». Мы не совсем ясно понимали, за что боролась эти люди и во имя чего умирали, но мы чувствовали, что дело касается лучшей жизни таких забитых и униженных бедняков, как мы, и чтили их.

Еще продолжал существовать дух и цеховые традиции. Традиции были довольно сильные. Пекарские подмастерья платили салом своим ученикам за содержание кубла подмастерья, на пособия больным, на похороны и на содержание старшего подмастерья. Касса подмастерьев находилась во исключительно, распорядителем цехового города и ассессора, назначаемого президентом города из среды чиновников городского управления. Выборы на эту должность сопровождалась большим шумом, который обычно выбирали того кандидата, который считал больше водки.

Мы жили в период бубного расцвета промышленности в Польше. Внезапный приток населения, вызванный этим расцветом, созерпал переносот в пекарские дела. Старые мастера-цеховые мастера — не хотели и не хотели приспособляться к новым условиям, не были в состоянии удовлетворить постоянно растущий спрос на хлебные изделия.

Стали открываться новые пекарни, основываемые цеховыми мастерами, а обыкновенными предпринимателями, которые для делового руководства брали мастеров из среды пекарей. Пекарское дело перестало быть ремеслом, становилось промышленностью. Предприниматели, в зависимости от капитала, основывали пекарни в 3—4 мени на 15—30 рабочих, а даже до 10—15 мени на 50—80 рабочих-работчиков, с применением машины.

Для увеличения прибыли мастера стали действовать в двух направлениях: во-первых, в направлении лучшей организации и интенсификации труда, т. е. более интенсивной эксплуатации рабочего, как и повсюду в другие технические учреждения не выходящие; во-вторых, стали более рационально руководить пекарней в коммерческом отношении, т. е. закупать муку, уголь, дрова и т. д. в больших количествах.

Продуктивность труда была повышена путем увеличения объема пшавки, корат, досок и путем такой организации труда, которая вынужденные перемены в работе соприкаса до нескольких минут. Для увеличения процесса брожения подбавлялись в большое количество дрожжи. В некоторых пекарнях предприниматели по сырости от рабочих вынужденные специальные надобки руководящих рабочей ответственными подмастерьями за ускорение темпов работы. Такими простыми средствами производительность труда была если не удвоена, то во всяком случае значительно повышена.

Эксплуатация была доведена до последней степени выносливости человеческого организма, мы все чаще вспоминали 48-й год и Паршавскую коммуну.

Подмастерья в пекарне все чаще смеялись, не будучи в состоянии выдержать на такой работе несколько месяцев или даже недель. Идвали и ученики. В течение трех лет, т. е.

в 1895—1897 гг., снижалась пожелудь мальчиков 20. Только двое пробили в этой пекарне весь срок учения.

Когда одно время подобрался подмастерья хорошие как в отношении квалификации, так и в отношении характера, тогда работа казалась невыполнимо легкой, и работники мы почти с охотой несемую гласовку в такт ударам в корыта, пшав несли: «Стрелкова губра, греми вальд!» или «От востока делье уже беллет и румнина светит зари». «Варшаванку и «Красное знамя» мы еще не знали. Что мы пшав, было не так важно; важно было то, что вообще пшав, что проявляли какие-то человеческие чувства, что хотя на короткий миг можно было забыть о действительности.

Хуже было, если работали закоренелые вражеские, которые считали когти своей обязанностью зверским образом издеваться над учениками, будучи уверены, что сопротивление с нашей стороны не достигнет, так как в таком случае отсылные подмастерья просто из солидарности помогут им подывать такое сопротивление.

Но я должен подчеркнуть, в таких случаях большинство подмастерьев не ставило себе позволения не достигать, а наоборот. Это имело очень большое значение, так как предупреждало создание между мальчиками и подмастерьями антагонизма, который козвен с пшавкой, и в этом отношении мальчики были ученики для обеих сторон. Не было случая, чтобы побитый мальчик пошел с жалобой к мастеру. Подмастерья хотели показать свое превосходство над учеником, но и то же время при каждом удобном случае напояинал ему, что он кандидат в подмастерья, и поэтому должен быть солидарным с подмастерьями в отношении к мастеру-хозяину, который является естественным врагом обеих сторон. Так нас обучали классовой солидарности.

Часто бывало, что вновь принятого в учение мальчика крестили. Кто-нибудь из старых подмастерьев сывалал побегоние для мальчика, наподобие креста, наваривал мешком, брат в воду соможеную кисть для смазывания теста и, кропи его мальчика, держал перед ним такую речь.

— Итак, мать твою так, с сегодняшнего дня не будст у тебя ни матери, ни отца, матерью твоею будст коротко, отцом — полено, а первым пойдешь только для того, чтобы укрыться от дождя, если туда тебя загонит бедная судьба, но в кабаке пойдешь, когда у тебя будст дельца. Будешь называться косым Петьюкой. Аминь.

Это была школа классового сознания, школа, которую не заменит лучшая книга. В остальном наша жизнь и работа были смертельно однообразны и печальны. Все дни нозожи друг на друга. Таких дней в году 361, так как у нас было целых 4 дня праздничных, т. е. без работы отхода. Их мы ждали с тоской и нетерпением.

В 1896 г. был такой случай: мальчик шел спать в субботу вечером по окончании предпринимательной работы и проснулся только во вторник, утром, т. е. уже в праздничные дни. Этого никто не замечал, потому что, в свободное от работы минуты каждый занимался только собой. Во время этих праздничных перемены я посылал выставки и ходил в театр.

Так и прождал два года учения.

Песни польских повстанцев 1863 г.

УЗЕЛ ТРЕХ ПРОБЛЕМ

Ганджа окружена садами. Весною в белом кипении садов трудно разглядеть корпуса фабрик и совсем не видно дыма. А дальше, где обрываются сады, тянутся бесконечные хлопковые поля, кукурузные заросли.

К северу загорает горизонт Главный водораздел, а слева Шах-Даг расстлал свои вышки снеговых шапок и охраняет покой долины. Земля хорошо оплачивает труд хлопковода, дает богатейшие сборы винограда, в ганджинские сады слетается далеко за пределами Азербайджана. Изданы считались, что благодатнее этого края — в кукурузе, виноградниках и хлопке. Торк-туземцы питаются поколениями от виноградных и кукурузных щедрот земли. Немножолит внес районизацию и пасадит рецепты немецкой виноградной агрохимии и виноградные кварталы и дал новые новоды убедиться в непереложности природных законов, утвердивших виноградники и кукурузу для потомков. И промышленность — новые времен — выросла здесь такая, для которой хлопок — хлеб, а виноград — вино. На окраине города выросли приземистые корпуса текстильных фабрик и винных заводов.

Земля, законы, написанные предками, довели над людьми и держат их в плену.

2

Но каналы и шотланды связали правду об этой земле.

С 1924 г. люди, пришедшие сюда из Тифлиса, Москвы и Ленинграда, докованными инструментами и приборами копались в землю, шутили пальцами, похаживали, пробовали на вкус. Люди прорыли в разных направлениях каналы и повезли в Тифлис, Москву, Ленинград кусочки земли, завернутые в бумажки, крошки камней — показывать и изучать.

А с 1929 г. здесь начали сверлить землю бурами.

С 7 июля прошлого года Центральная комиссия Геологического комитета СССР в свете протоколов заявила:

«Запас руды только в северо-западном участке месторождения равняется 82 млн. тонн».

Примерно то же самое записала комиссия и про другие участки Дагестана.

Люди, которые приходили сюда с недавними приборами, давали все новые и новые дополнения к протоколам комиссии. Затем подвели итоги разведкам дагестанского месторождения железных руд. Было замечено, что в Дагестане обнаружены богатейшие залежки магнетитовых железных руд и что только по категориям А и В этих руд не менее 100 миллионов тонн, а общая сумма запасов — даже больше.

Такие образцы геологи внесли существенную поправку в экономическую географию Азербайджана. Там, где говорится о ганджинских саялах и виноградниках, надо теперь добавить о миллионах тонн великолепной магнетитовой руды...

3

А в другом уголке карты Закавказья, на два вершка выше кружка на берегу Черного моря, кружка, который зовется «Порт Потри», по словому отрогу висят копиры закавказской когегарии — Ткаварчельских угольных копей.

В окружении субтропической экзотики (мандринки, айоя — лаучковое дерево, испельное роше) Ткаварчельцы расширяют свои мускулы. 110 млн. тонн угля цепко держат в своих костистых отрогах земля и только после своих борбь отдают их. О Ткаварчельцах, основной угольной базе Закавказья, ЦК ВКП(б) сказал:

«Предложить ВСНХ Союза форсировать окончание работ по разработке ткаварчельского угля, а Наркомову в месячный срок представить проект строительства угольного

порта, приступив к постройке его с января 1932 г.».

Как кислород в грудь больного, является жизнь в копи и расширяет их, заставляет работать ущемленным темпом. Идет усиленная реконструкция копей. 1.200 тыс. тонн угля в год будут давать Ткаварчельцы в первое время, а к концу 1937 г. — 3 млн. тонн.

Ткаварчельский уголь кокетствует, давая высокое качество металлургического кокса. Уже в будущем году промышленность получит от Закавказской когегарии 630 тыс. тонн кокса...

Ткаварчельцы на помощь в трудные дни придут ткаварчельские угли. 40 млн. тонн запасов ткаварчельского угля, кокетствующего с 15-процентной примесью ткаварчельского угля, — дополнительные ресурсы кокса.

4

Маткие воды Ширакской степи стали отныне центром внимания. Здесь, затерявшись среди холмов и глубоких балок, где бродили равнины только стая стелющихся волков да изредка пробегал дикий козел, встали к небу возмужавшие знаки нефтяных вышек.

Здесь недавно родилась нефтяная промышленность Грузии.

Госая, в яктине дни выжженная до черноты, степь тайла в своих недрах богатейшие запасы легкой бензиновой нефти. Теперь нефть стала выкапывать на поверхность. 14.500 тонн промышленной нефти впервые после рождения Грузнефти даст в этом году. Восхищенные знаки нефтяных вышек будут множиться в геометрической прогрессии. Грузнефть станет мощной энергетической базой, равной теперешнему Баку. По последнему слову нефтяной техники будут оборудованы буровые, из недр будет вычерпываться все ценное, что можно будет взять «Верное золото» по нефтерубовому пойдут к Тбилису на нефтерезервные заводы, а в сторону к востоку будет виться змея газопровода.

Прито из буровых скважин будет высасываться естественный газ в черед горные устья.

перерыва быстрые потоки, аерестегия виноградики и хлопковые поля, вместе взвывая среди кукурузных зарослей, пойдт исптной газ к Гандже.

По длинной 80-километровой вместе газопровода...

5

В Дашкесане свяжутся каналы вода.

Уезд на трет раньше разрешенных проблематического угля, шираской нефти, местных железных руд, известняка и огнеупорной глинны—заложит фундамент и даст жизнь мощному гиганту черной металлургии.

О Дашкесане сейчас знают очень немногие и совсем почти не знают о той кучке энтузиастов, которая шесть долгих лет ковыляла в каньонах и шотьялах по соседству с кукурузными и хлопковыми полями и квадратиками виноградников и искала путей разрешения проблемы создания в Закавказьи своей базы черной металлургии. Эти люди, которые были варяжскими идеями создать черную металлургию в стране винограда и кукурузы и перелицевать экономику Закавказья, подсчитали возможность и скоординировали руды Дашкесана, уголь Тварчрса, нефтяной газ Шираской степи и ганджонские известняки и огнеупорную глину в одну мощную проблему создания закавказского Магнитострой—Дашкесанского металлургического комбината.

В прошлом году ЦК ВКП(б) сказал свое слово:

«Предложить Закрайком и ВСНХ Союза обеспечить проведение всех подготовительных работ для начала строительства в 1933 г. Дашкесанского (Азербайджанского) металлургического завода».

Вопрос был решен. Уголь Тварчрса длинными караванами платформ пойдт к коксовым печам комбината. Из Шираской степи газ по-

течет до газопровода к топкам печей, а из дашкесанских рудников к заводу, поблескивая искрами на стыках, будут виться в стремительном потоке электрические составы с магнитным ладом домеченых вестей гиганта.

Облик гиганта уже теперь виден из чертежей и четких рельефов Дашкесана,—каждый шесть лет назад, превращаются в рудники. Так же, как каналы превращаются в реки, скоро чертежи и планы комбината превратятся в корпус завода, в колонны кауперов, гигантов-домей, и коксовые батареи... Домеченых печей комбината будут выпускать 800 тыс. тонн высококачественного металла. Прокатные станы Дашкесана дадут 100 тыс. тонн листового, 50 тыс. тонн кровельного железа, 50 тыс. тонн болт жести. Гигант даст для закавказской машиностроительной промышленности 100 тыс. тонн литейного чугуна, 600 тыс. тонн титаных труб будет получать ежегодно нетяная промышленность от комбината.

Нефтяная промышленность Закавказья (Азнефть, Грузнефть), Северного Кавказа, Средней Азии будет иметь свою прочную металлургическую базу.

6

Вопрос решен окончательно. Уже в будущем году начнется постройка комбината, и в 1934 г. домеченых печей гиганта дадут свою первую плавку. Сроки строительства—большинственные и уже проверенные на стройке гигантов-первцев на Урале и в Сибири.

Собственно строительство начинается сегодня. В этом году нужно подготовить жилища для десятков тысяч рабочих, надо провести электрическую железную дорогу до рудников Дашкесана к заводу, надо готовить строительный комбинат.

Великое завтра наступает сегодня. Закавказье всего полтора десятка лет назад вышло из-под

пята царизма. Царская колония, истощенная наместниками и забитая царизмом, за годы советской власти расширила свои мускулы и в строительном развитии культурного и экономического развития догоняет передовые районы Советского Союза. Ленинская национальная политика, проводимая нашей партией, дала возможность в такой короткий срок поставить хозяйство республике Закавказья на такую ступень развития, что в данный момент Закавказье превращается в страну индустриально-аграрную, получает возможность развернуть новые отрасли промышленности, о которых раньше и думать нельзя было.

Но пролетариат Закавказья еще молод. Своими силами республике Закавказья будет трудно подготовить рабочие кадры для нового гиганта индустрии. Домцы Украины, марте и прокитные станы Урала должны взять на себя задачу подготовить кадры для Дашкесана, трудящиеся республики Закавказья должны получить школу борьбы за металл на всех старых заводах страны.

Комсомол Азербайджана взял Дашкесан под свое наблюдение. Комсомол готовит свою встречу второй пятнадцатке Закавказья. А Дашкесан—се елю. «Слузба Дашкесан»—клич, который должен мобилизовать комсомол всего Закавказья, всего Союза.

Сады, окружающие Ганджу, в блем кипении весны увидит новых людей и новые дела. Невиданный бег времени—за один год пройду века—перенесет Ганджу из застояности захолустья в бодрую атмосферу новой металлургической базы советского Закавказья—Магнитострой покинет равнину Предуралья и перебедт, как Днепрострой переходит сейчас на Волгу, под уклон горного склона Азербайджана.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОБЛИТ СТАРЫХ РАБОЧИХ—В АРСЕНАЛ КОМСОМОЛА Старые производственники Станкозавода взяли шефство над молодыми рабочими

Старые рабочие ремонтного цеха помогают комсомольцу овладеть новым станком

БЫВАЮТ ЛИ КОНСУЛЬТАЦИИ МОЖНО ЛИ ТАНЦОВАТЬ?

... Я сам из рабочих и знаю, что такое уголь рубить, а потому и позволяю, чтобы и другие рабочие приехали к нам за что ни про что. Пропу ответить...

Чем так возмущен Т. Пивоваров (Донецк)? Что заставило его обратиться в редакцию «С» и написать такую длинную статью, в которой заканчивается высперниженной дитятой? Дадим слово самому Т. Пивоварову.

«Тяжело мне работать заведующим клубом. Никакой помощи и поддержки со сторон. Взгляды шахтеры и говорят:

— Вот тебе, значит, клуб, вот объектив, и занимайся культурным обслуживанием.

«Клуб» — это конечно громко сказано. Времени всего я заведу красную угольком при группе шахтерских объектов. Но все же есть у нас большая зала, сцена и пианино, так что работать можно.

Больше, чем всех, в объективе — молодежи. Все свое свободное время проводят бездельно. Появляются или в карты режут. Стаг замечать, что на молодежных вечерах основное — танцы. И только у меня массаля — это, если организовать танцы в клубе и тем самым отвлекать молодежь от вредных вечеров? Привлек также балетистов, которые на вечерах играли (гоже шахтеры), и организовал вечер танцев. Результаты получились прекрасные. В этот вечер клуб был набит до отказа. Веселились до поздней ночи. Затем такие вечера устраивались еще несколько раз, и нужно сказать, что популярность клуба здорово повысилась, а главное на этом делег стал скопляться постоянный круг актива.

Все было хорошо, как вдруг однажды в самый разгар веселья танцев в клуб пришел председатель культпобитовых шахты Т. Бойченко (с ним это было очень редко). Увидел, что в клубе танцуют. Бойченко заржал на меня:

— Да это же прямо разложение какое-то! Завтра же приходи на кузультпобитовое.

Заседание культпобитового было вызвано, и Т. Бойченко сам персонально направил меня в клубе как «идеологически невыдержанным», а мне сказал, что я сам поддался обывательскому правдолюбию и ошеленился.

Я ему заявил, что нужно учитывать настроение массе, что народ танцовать хочет и это в большинстве случаев нечего скверного и это лучше, чем когда молодежь в пьяных вечерах буржуазный фронт вытанцовывает.

— Мне не знаешь, что фронт, что не фронт, — закрякал Бойченко, — для нас это все равно, только танцы в клубе — это плохо. Чтобы было это не было. А тебе за такие мешанины идеи мы еще по комсомольской линии вздернем...

Дальше Т. Пивоваров подробно излагает жаркий спор, происшедший между ним и Бойченко, и в конце задает вопрос:

— Так как же, товарищи, можно или нельзя молодежи танцовать, и кто прав — я или Т. Бойченко?

Общие вопросы, ничего зазорного нет в том, что молодой парень или девушка, комсомолец или комсомолка умеют танцевать и танцуют. Ничего скверного нет также в том, что танцы организует клуб. Но на письмо Т. Пивоварова следует ответить поподробнее.

Тов. Пивоваров правильно заметил, что на пьяных вечерах основное место занимают танцы, и правильно отметил, когда отвлек молодежь от азартных карточных игр.

Рис. В. Брискина

Мног. от замкнутых вредных вечеров, используют тот же танец, только на клубной площадке, ограничивая массовое веселье без вина и вобщем. Однако это только поощряет. Танцы как социальным в клубе меньше всего нужны. Специальные вечера танцев, на которых клуб собирает молодежь только для того, чтобы танцевать,

даже вредны, особенно если их (вечера) проводить систематически и часто. Танец как средство организации досуга, как средство проведения воспитательной работы, танец как один из составных элементов досуга, поставленный на службу воспитательному воспитанию молодежи, — вот что нам нужно.

Сумел ли Т. Пивоваров как заведующий клубом, руководимым культурными работниками, использовать танцы для организации мероприятий воспитательного характера? Молодежь организует всевозмож-

ные мероприятия. Разве нельзя было переключить энергию «танцоров» на организацию вечеров самодеятельности? Использовать тех же балетистов и клубов, переключив их на организацию клубную работу. Вообще «танцоров» в физкультурные кружки, так как танцы (хорошие танцы) содержат в себе элементы физической культуры. Создать из танцоров группы мастеров — организаторов, которые овладев техникой этого дела, сумеют организовать работу в районном клубе, в объектив, на клубном вечере. Естественно, что если проделать все это, танцы (специальные вечера) не стали бы основным в деятельности клуба, но являлись бы единственным средством организации досуга, не прерывались бы отчасти во вредное дело. Тов. Пивоваров говорит: «Нужно учитывать настроение масс. Народ танцовать хочет... Это не совсем верно. Настроение масс обязательно нужно учитывать. Но «народ» танцовать хочет только танцевать. «Народ» хочет с пользой проводить свое свободное время, повысить свой культурный и культурный уровень, организовать свой досуг, а иногда и потанцевать.

Что же касается самого танца как такового, то нужно заметить, что не на всех его разновидностях. За последние время создано очень много новых танцев, в том числе и массовых физкультурных танцев, отличающихся с успехом принимаются в среде молодежи. Эти танцы Т. Пивоваров может без труда перенести в свой клуб, если зайдет в Дворец культуры, который находится всего на расстоянии нескольких километров.

Тов. Бойченко не прав, когда запрещает вообще устраивать танцы в клубе, и тем паче не прав, когда обвиняет Т. Пивоварова в «идеологической свисте и разложении». Ничего подобного здесь нет, а Т. Бойченко как председатель культпобитовых дел стеснялся бы просто помоч Т. Пивоварову наладить клубную работу.

ХОЧУ ИГРАТЬ НА СКРИПКЕ

В «Смену» поступило письмо от рабочего-комсомольца Малахова из г. Кропоткина. Он пишет:

«Еще с самого детства у меня издавна тяготение к музыке. Я играю на самом распространенном инструменте — балалайке. Мои игры были очень нравящиеся, и все говорили, что у меня есть слух и что на меня может выйти хороший музыкант. Я в самом деле стал мечтать сделаться этим музыкантом. В скором времени балалайка перестала меня удовлетворять, а я скопил от заработка себе денег на мандолину. Опять всем нравилась, как я играл, и опять все говорили, что у меня хороший слух. Это меня подбодрило, и я по-серьезному решил заняться музыкой. Я скопил себе раз себе денег и купил уже скрипку. В нашем городке нет музыкальной школы или техникума. Чтобы учиться, я вынужден был ходить к одному преподавателю музыки, который являлся у нас в городе. Я урывал из своего заработка деньги, чтобы платить ему за уроки. Я

мечтал впоследствии пойти в консерваторию. Но не долго мне пришлось заниматься музыкой. В явнее узнали об этом и решили, что мне ничего видного делать. Меня стали нагружать общественной работой, не давая мне возможности учиться музыке. Когда я пришел к секретарию явнее и стал просить освободить меня от нагрузок в те часы, когда я учусь, то секретарь ответил:

— Это не учебка. Ты что же, на скрипку хочешь променять комсомол? Лучше Малахов оставь свои буржуазные замашки...»

С тех пор мне не дадут возможности учиться игре на скрипке. В явнее ходит слух, что я обуржуазился. А секретарь говорит мне:

— Если ты, Малахов, не бросишь свои барские замашки, — поставлю их бюро.

Дорогие товарищи, ответьте, правда ли явнее? Может ли комсомолец быть музыкантом и в Малахову это удебь.

развивать способности, которые в нем есть?»

Кто же прав? В наших комсомольских организациях ли сожаление до сих пор распространено пренебрежительное отношение к воспитанию молодежи, к организации работы рабочей молодежи?

Тов. Косарева в одной из своих речей выдвинула лозунг — «Шлепай в рабочий клуб». Тов. Косарева в рабочей о том, что классическая музыка — это искусство. В большинстве в рабочей аудитории. Это, владею помято. Рабочий класс, овладевший вершинами производства, стоек перед угнетением государством, стремится овладеть и искусством, которое было все время достоянием парящегося класса. Музыка является одним из крупнейших элементов этой культуры. В соответствии тяготение Т. Малахова. Оно достойно всяческого поощрения.

Мы должны иметь свои, пролетарские музыкальные кадры.

А явнее вместо локони слышай танцевать, это удебь.

КАК ВЫ ОТБРАЗИТЕ ВОСПИТАНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА В НАШЕЙ СТРАНЕ?

Ответы советских писателей на анкету «Смена»

Накануне VII всесоюзной конференции ВЛКСМ «Смена» обратилась к ряду советских писателей с просьбой раскрыть рабочей молодежи, как они намерены отобразить в своем творчестве, в своих ближайших произведениях главный процесс коммунистического воспитания молодежи в Советском Союзе.

Пенитенные нами ответы свидетельствуют, что тема о молодежи, о ее воспитании в классовых битвах за социализм стала объектом работы ряда наших крупнейших мастеров. Эти ответы служат также ярким свидетельством происходящей перестройки советских писателей, завоевания ими новых высот в борьбе за марксистско-ленинское мировоззрение, за Магнитострой литературы.

...пенн повлиять на наше молодое поколение. Не надо пугаться названия поэмы — «Смерть пионерки». Момент смерти только придает силу и яркость произведению, так как не секрет, что во времена не такие далекие (и даже теперь, бывает) некоторые люди, — и между ними встречались люди очень видные, — тро отринув бога, а перед смертью из-за пустого страха — «а вдруг да есть загробная жизнь?» — или угустая просям родных вновь возвращались в яслях червяки. Тем более контрастно и выстуло на этой фоне выстуло упорство, сознательность этой малечки под девичью пионерку, дитяти своего века, отрицающей религию.

Н. АСЕВ

Н. ОГНЕВ

Я буду писать поэму «Фабрика счастья». В ней отобразю современную молодежь. Тема богатая и захватывающая меня. Я вот присматриваюсь к нашей молодежи, сравниваю ее с молодежью довоенного периода — студентами, реалистами, гимназистами — и вижу, какая громадная разница между ними. Советская молодежь несомненно более идейная, трудолюбивая, энергичная. Прямо удивляешься этим новым людям.

Например такой простой случай, который ярко характеризует наше поколение. Еду я вчера в трамвае, напротив на площадке стоят два парня в стеноках, лица и руки испачканы — рабочие. И вдруг, слышу, они рассуждают об интегралах, теории стоимости. Оказывается, один учится в вечернем институте, а другой тоже где-то на курсах. И ведь так — десятки тысяч. Жизнь меняется совершенно. Раньше университетская наука сосредотачивалась в России в 5—6 центральных городах. Теперь же институты, техникумы есть даже в самом глухом захолустье. Создается вуз при крупных заводах и фабриках. Это влечет в страну замечательно по силе струю просвещения, культуры. По-моему, теперь уже не старой чехословацкой провинции. Деревня все успешнее подтягивается к городу.

Поэму я назвал «Фабрика счастья» но почему: раньше счастье ходило, если можно так выразиться, в одиночку, было индивидуально. Каждый старался устроить свой уголок, совершенно не заботясь о том, как живет сосед. И счастье одного строилось на несчастье другого. Например: умер бухгалтер — его помощник занимает место умершего и таким путем создает свое благополучие. А теперь счастье будет коллективное. Счастье индивидуума будет зависеть от счастья всего общества, от уровня техники, науки. И заботиться человек будет не только о себе одном, а обо всем коллективе. И это будет делать и сделает наша молодежь.

Э. БАГРИЦКИЙ

«Смерть пионерки» — называется поэма, которую я пишу. В ней будет показана маленькая девочка — дочка опустевшего рабочего, которая даже перед смертью отказывается надевать детские украшения, а в последнюю минуту одела пионерский салют. Неудивительно, когда взрослые парни и девушки становятся астенными, но удивительно, что это делает ребенок, воспитанный в религиозно-мистическом духе и чутким пошлостью дух своей эпохи. Этим я хочу показать, что никакие предрешения, чуждые влияния не могут уже в значительной сте-

Л. СЕЙФУЛЛИНА

О «перевоспитании» молодежи я не думаю писать поэму, что считаю наше советское воспитание молодежи в основном правильным. Но я буду писать о трудностях роста, формирования характера при условиях самостоятельности и о роли и влиянии общественной ответственности каждого юного индивидуума и постепенном отторжении семьи как очага, у которого раньше воспитывались. Это войдет в повесть «Страна», которую я сейчас пишу.

А. КАРАВАНОВА

Работаю над повестью «Бани и яблоку». Один из главных героев, секретарь комсомольской ячейки, очутился в центре борьбы двух мировоззрений: созерцательного, которое на поперек оказывается классово враждебным, кулацким, — и мировоззрения исторически-пролетарского, Володи Наркова, секретаря комсомольской ячейки, обнаруживая однажды, что он еще знает поэзию, что он больше года этому беспомощает и в повествовании своем и во взаимоотношениях с людьми. Он жаждет правильного понимания жизни, коммунистического осознания ее. Так он взрослеет.

Писатель Яков Коробов в повести «Петушиное слово» тоже показал, как «взрослеет» молодой человек. Герой повести, видя рождение теленка, через созерцание этого биологического процесса осознать сложность, загадочность процесса. Это доказательство, целиком от мелкобуржуазного пасивизма. Осознание жизни с точки зрения ленинского понимания всего происходящего, умения видеть свое место и значение в каждом событии, воле и смысле каждого поступка — вот в чем главные моменты, когда человек взрослеет. Об этом я и рассказываю.

Я только что закончил роман «Три измерения», посвященный разоблачению индивидуализма.

Теперь работаю над новым романом; он носит рабочее название «Изобретатели». Изобретатели — это главным образом рабочая молодежь и подростки, и их изобретчество — не только техника, но и вообще творчество новых форм жизни во всех областях.

Пока роман работает в нескольких планах. Один план — это современная советская школа с ее скандальным поворотом к политике. Другой план — это «перевозка» школа за границы с широко развитым самоуправлением и палатами (ученики старших классов, по распоряжению директора преподающие экзамены над младшими). Наконец третий план — это советский туризм.

По первому и третьему планам материал у меня собран; второй план нуждается в дополнительном материале.

Я поставил себе целью опять столкнуть мир — старый и новый, и хочу посмотреть, что из этого выйдет. Но уже сейчас вижу, что старая мир косяк, шнурок, токсин, и с собой к росту (а способность к росту — это главная данность каждого явления).

А у нас в каждом уголке жизни — творчество, рост.

Нужно однако понять, что мой материал — не только Брызг. Шире Брызгов, ярче Брызгов. Пока — это вся совокупность явлений роста. Конечно к тому работам материал уже есть, войдет в роман.

Только тогда можно будет сказать полней и конкретней.

А сейчас придется ограничиться этим общими.

Иван ЕВДОКИМОВ

Всёное художественное произведение советского писателя в конце концов обращено к молодежи. Пятнадцать лет существования литературы пролетариата — это есть десятки миллионов молодого населения СССР.

Оно не только нашей власти, кроме коммунистической. Ему принадлежит будущее, и строительство которого и должно быть подоготовлено и воспитано новое поколение. В решении этой огромной задачи по мере сил и спо-

способней старая участвовать и я. Молодежь тематика в той или иной степени присутствует в каждом моем взрослом произведении. Первая моя печатная повесть «Сиверск» (1925 г.) посвящена молоднику (история рабочего подростка в дореволюционную эпоху). Исключительно о молодежи и написан роман «Белая роза», изданный «Молодой гвардией» в 1931 г. Несколько рассказов о юношестве печатаю сейчас.

ВЕРА ИНБЕР

Одна из самых больших радостей поэта — это услышать написанную им песню. Песню, которую поют и любят.

Слова, спроектированные на музыку и подкрепленные человеческим голосом, приобретают неограниченную убедительность.

Наша страна и наша эпоха дают неисчерпаемый материал для песни.

Класс, как и человек, особенно охотно поет тогда, когда он молод и силен.

Молодость молодого класса — пионеры и комсомол, я хочу попытаться написать для вас несколько песен, в которых отразились бы бодрость, вера в себя, желание работать, желание любить. Вопросы воспитания и формирования нового человека, при всех их сложности, тоже могут быть затронуты песней.

Мих. ГОЛОДНЫЙ

Работая над поэмой «История комсомола Днепротровска» В ней я хочу показать, как создавались и крепились первые комсомольские ячейки. В поэме особое место будет отведено первым рабочим кружкам Днепротровска — «Труд и свет», «Маяк», «Взбун III интернационала», где вычислялись и отсюда выходили первые комсомольцы. Эту поэму сделаю к 15-ти годовщине комсомола.

Кроме того в издательстве «Югосек» вышла книга стихов о гражданской войне. Книга сделана по плану «История гражданской войны». Все стихи основаны на подлинном материале. В книге будут показаны героические моменты борьбы молодежи комсомольцев за власть советов. Это послужит нужным материалом для воспитания современной молодежи, которой надо знать все о погибших за революцию товарищах.

П. Н. ГОРБУОВ

Пишу повесть о молодежи. Сюжет такой: деревенский парень в голодное время попадает в город, попадает парадиксу и прокомсом. Случается несколько лет райком комсомольцев его на работу в родную деревню. Парень приезжает домой и видит, что отец его стал кула-

ком. Между ними происходит столкновение. Сын восстает против отца и доходит до того, что не стесняется родственными связями, раскрывает перед сельскими властями контрреволюционные помыслы отца. С виду сюжет как будто бы прост и не нов. Есть много литературных произведений, в которых отец с сыном, встречаясь в гражданскую войну в противоположных лагерях, без пощады, во имя долга, идут друг против друга. Но там ситуация была проста. Нуня решался спор. Сейчас мы находимся в относительно мирном этапе развития. Положение психологически осложнилось. Я хочу показать, как именно выросла наша молодежь, как далеко шагнула она в своем развитии, что сила долга, коммунистическая чуждость, высокая сознательность переборили, подчинили себе, отодвинули на задний план биологическую любовь к родителям, субъективные эмоции.

Л. НИКУЛИН

Я взял за себя сложный труд написать историю моего сверстника, «Историю молодого человека», юность и молодость которого прошла между двумя революциями: 1905 и 1917 годов.

Я хочу описать борьбу марксистов с народниками в учебных кружках и эпоху репрессий, отодвинувшую на время для многих нас выбор единственно правильного материалистического понимания мира. Параллельно в этом романе пройдет кониша рождения 1913 года, воспитавшийся в советской школе, в советском быту — и в значительной степени освоившийся от тех элементов прошлого, элементов мелкобуржуазного понимания культуры, которые до сих пор вносят некоторые влияния на психику нашего поколения. Этой романом «Время, пространство, движение» (он вылет скоро печататься) и постараюсь ответить на поставленный мне «Смелой» вопрос.

Ш. БЕРЕЗОВСКИЙ

Я опишу социалистический транспорт. Возьму период за 30 лет, железнодорожников старого правления и железнодорожников наших дней. Конечно большое место в этой книге я уделю молодежи, воспитанию молодежи. Я трезво смотрю на жизнь и вижу в нашей молодежи много отрицательного: пьянство, хулиганство и пр. Но это не главное. Это случайное, переходное. Основное в нашей молодежи — ее энергия, жадность к работе, бодрость. Я считаю, что мы, старая партийная гвардия, можем уделить внимание нашему молодому поколению. Этот дефект надо исправить.

Те чудеса, которые она делает, показываям молодежь ярче всего. Караганда, Магнитогорск, Кузбасс — везде молодежь достигла громадных успехов. И вот теперь я хочу показать ее в борьбе за социалистический транспорт.

П. ЗАМОЙСКИЙ

Немногому тяжелая, сложная и ответственная работа лежит на плечах нашей молодежи. Особенно — деревенской. Завистую молодежь выполняет такую работу, на которую нехватит сил энергии и сил у многих взрослых. Не только удивляться и восхищаться приходится этим, но нередко и жалеть: не надорвется ли раньше времени силы? Не разочаруются ли первые?

Показ части этой работы колхозной молодежи и я вставляю в третью и особенно в четвертую книгу романа «Ланга» не только работу по коллективизации, севу, уборке, хлебопечению, — я покажу то новое, что отличает молодежь от пожилых. Молодежь много зарывалась чувством неадекватности, собственностью, тщательством, дозному «яснскую» цепку таясь в свою яблуню, и поэтому в колхозном движении она принимает такое же живейшее участие, какое некоторые зажиткие собственники, будущи когда-то молодыми, проявили, стараясь за своего хозяйства.

Незачем и не на что оглядываться молодежи. Она, выросшая в революцию, воспитанная в великие и суровые ее дни, без полузащиты, без всякой задней мысли о стигматическо-личных выгодах счастливой и легкой жизни, свое строительство. Социализм, коллективизация — это родная стихия молодежи, это как воздух для птицы, вода для рыбы. А отсюда и те новые, которые являются быт, и семейно-личностных детей и родителей, в браке, любви, отношении к труду, — словом, во всем, что мы, несколько хитрые люди старого уклада жизни, называем «проблемами».

И вот то, что мы называем «проблемами», для молодежи совсем не является чем-то исключительным и особенным. Например, желать бы какой-либо даже мысли об экономической выгоде (новства или жених из богатой семьи, приданое), — разве это проблема? Это — жизнь. Порвать с родителями, если они, сколько их ни уговаривали идти в колхоз, все-таки не идут, — порвать с ними и не бояться, что останешься без куска хлеба, без выезда, как раньше, — разве это проблема? Нет. Земля — в колхозе, рабочий скот, инвентарь — в колхозе, сусек не в собственном амбаре, а в колхозном, — что же связывает с семьей? Ничего. И сав или дочь, не боясь, что останутся обделенными, изгнавшими из своего жилища, нем на ветер, как часто когда-то бывало, увят с родителями, увят с женой. Экономическая цель, связывавшая раньше семью, порвана. Каждый, аномальность сложившаяся труд, существует себя независимым, самостоятельным.

Соревнование, в котором молодежи горячо участвует, чувство любви к коллективному труду, бережливое отношение к общественному имуществу, — разве это, если вспомнить галлами молодежи, какие то «проблемы»? Общине буди. Ведь молодежь даже само не отдает себе ответа, какие великие дела она делает. Она приняла и вжилась в эти великие дела. Я видел искренне огорченного парня, который завербона в красивый образ мещанина, мещанин мещанья-единицы, чем его товарири. «Что бы, казалось, оторваться? Его даже никто в сельсовете и не упрещу, а товарища никто не награждает и не поощряет. Пусть даже выиграл самодоме, социалистическое самодоме.

Вот ряд таких новых фактов, качеств социалистической жизни и быта, которые мы называем «проблемами», я наряду с вожаком других соборать где участвует молодежь рука об руку со взрослыми, и намереи разгустить в романах «Ланга».

КНИГУ—В ДЕРЕВНЮ

ПЕРЕТЯГНИТЕ ВАШУ БИБЛИОТЕКУ.
ТРАНСПОРТАМИ КНИГ РАПОРТОВАТЬ VII КОНФЕРЕНЦИИ

Фото Баты

Я ШВЕДОВ

Опять я затрону старую проблему «отцов и детей», которую несколько раз по-своему пытался разрешить русские классики XIX столетия. Но подобно и к лав с другой стороны. Сюжет повести, над которой работаю, таков: на заводе работают отец с сыном. Отец—старый трудомыльный рабочий, но подурмаченный. Сын—хулиган. Воспитать его отец не сумел. Начинает усовещать сына, чтобы образумился, стал дельным парнем—не помогает.

Сын попадает в комсомольскую ячейку. Парень совершенно изменился. У него появилась тенденция к изобретательству. Он сделал несколько ценных приспособлений к разным машинам. О нем заговорили на заводе так, что даже отца зависть взяла: «перестань, мод, молодые старики».

В этой повести (название ей твердое еще не придумал) покажу, что коллективное воспитание гораздо сильнее индивидуального и что при правильном подходе к вопросу даже всякого хулигана можно исправить и сделать полезным членом Советского союза.

Писательство: ОГИЗ. Т. Томский отбирает для... для равнин книги из своей библиотеки

М. СРЕТЛОВ

Сейчас несколько комсомольских писателей пишут произведения по истории комсомола. Я тоже задумал поэму на эту тему. В ней покажу несколько «комсомольских поколений», начиная с зарождения комсомола до наших дней. Покажу героическую борьбу комсомола в гражданскую войну, работу на «мирном фронте», на заводе, в колхозе, пути развития, воспитания, роста. Остановившись конкретно на деталях сюжета не буду потому, что в процессе работы возможно буду делать большие изменения.

Комсомольцы типографии «Крестьянской газеты» отбирают самые интересные книги на пункт сдачи

П. ПАВЛЕНКО

О молодежи хорошо пишется тот, кто сумеет написать о ней просто, сухо и мужественно.

Я наметил писать повесть «День партийной ячейки» на материале большого производства. В значительной своей части это будет повесть о молодежи, о комсомоле. Мне хочется показать ту незаметную, мелкую, будничную и в то же время гигантскую работу, которой создается то самое, что называется героикой будней. Мне хочется показать, как день за днем крепнет и развивается наш молодежь.

Как именно будет построена повесть, какие там будут фабула и сюжет—я не знаю. Да если бы и знал, не стал бы рассказывать, так как рассказать это—все равно, что написать самую повесть. И даже труднее.

Цех типографии «Крестьянской газеты»—агитатор за сбор книг для деревни

Под редакцией С. Глязера

ИГРЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

... ВОСЕМЬ ТОНН В ДЕНЬ

Вы были на постройке. А обратили ли вы внимание, что с транспортом строительных материалов дело обстоит очень неблагоприятно? Даже самый простой вид транспортировки — на лошадях — в большинстве случаев организован неправильно.

В воронежской конторе «Восторгстроя» т. Шамолин обратил внимание на то, что на постройке, находящейся в 250 метрах от железнодорожной станции, где разгружен вагон кирпичей с лошадушкой успевал в день перевезти всего 8 тонн кирпича.

Рабочий-возчик приезжал к товарному двору, загружал вагон кирпичом и все это на постройку и там сам его разгружал и порожником возвращался за новой партией кирпича.

Такой способ транспортировки кирпича осложнял постройку очень много.

Тов. Шамолин сделал предложение, дающее возможность сэкономить на одну тысячу.

Не сможете ли вы придумать, как упростить и рационализировать эту операцию?

В ПРОХОДНОМ

Вы видели в проходной больших заводов и новостроек табельные доски. Это длинный ряд щитов с номерками, занимающий много места и крайне неудобный для наблюдения за ним одного изобретателя.

8—10 щитов с табельными номерками у нас не редкость, а вот проходных, в которых можно было бы их удобно разместить, мало.

Нельзя ли придумать такую конструкцию табельной доски, чтобы она занимала мало места?

ЛЯПУССТРОЙ

Часто наши художники, писатели, журналисты берут за описание объектов нашего строительства, с которыми они знакомятся лишь поверхностно. В итоге их работа изобилует грубыми ошибками технического порядка. Наш художник Л. Снегов собрал в одну

композицию «Ляпусстрой» десятки разнообразных ошибок в технических рисунках. Здесь по меньшей мере 30 несуразностей. Ваша задача — указать, какие ошибки здесь допущены. Фамилии приславших наиболее полный перечень несуразностей будут напечатаны.

ОПАСНОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ

На постройках «Восторгстроя» в Тамбове изобретатель т. Миронов обратил внимание на то, что внутренний подъемник для тачек с кирпичами, изображенный на рисунке, представляет собой довольно опасное сооружение.

При таком способе поднятия груза люк люк не закрывается, не имеет барьеров, и поэтому представляет определенную опасность для работающего.

И изобретатель придумал конструкцию более совершенную, безопасную и дающую большую производительность. Присылайте свои конструкции и предложения, улучшающие условия труда строителей при транспортировке строительных материалов.

Решение нашей задачи: лисы айты и отдаленных ластах, сорно-о дай и чертажики. Это ускорит и рисунке трени, их по-люи «спецальности» и. От эти по не им т хан всякого, тв.сча тва Будет перед ны тр-стом и и стиг-том. Ц. Соко-ст. 0-1 аждес про ложив в чатае ей, представ-лющее техническую и ияну. Будет р-ссыль-таться как изобретение.

Отв. редактор В. Вольгин. Зав. ред. Я. Черник. Оформление В. Брискина. Издатель: Издательство, ЦК ВК(Ю) «Правда», сектор Комсомольская правда. Слав в набор 11/VI подписан к печати 1/VI 32 г., 3 бум. листа. Изд. 616

Упомянутый Главтла № В—28097.

Типография газ. «Правда», Москва, Тверская, 48.

Зак. № 1598

Тираж 46100

КОМСОМОЛИЯ ВСТРЕЧАЕТ НОВЫЙ ЗАЕМ СТОПРОЦЕНТНОЙ ПОДПИСКОЙ

Наверху слева направо: комсомольская бригада Полничного завода «Красный металлист» подписалась на 160 процентов месячного заработка. Комсомолец ударник сталельного цеха з-да «Динамо» тов. Петров подписался на 160 руб. при среднем заработке в 130 руб.

Комсомолка ударница цеха мелких деталей завода «Динамо» подписалась на 90 р. при среднем заработке 45 р. В середине слева направо: колхозники Домодедова, Подольского района, коллективно про-одит подписку. Комсомолец приемщик завода «Красный металлист» тов. Воронин подписался на 300 руб. при заработке в 260 руб.

Пролетарская столица агитирует за 100-процентную подписку.

Внизу—слева и право—комсомольская бригада тов. Чугреева литейного цеха завода «Динамо» коллективно подписалась на 130 процентов месячного заработка каждого. Ударник колхоза Домодедова, Подольского района, подписал 10 руб. в план для займа. «4-го завершающего года пятилетия». Комсомолец ударник тов. Мельников литейного цеха завода «Инама» подписался на 275 рублей при заработке 225 руб. в месяц.

